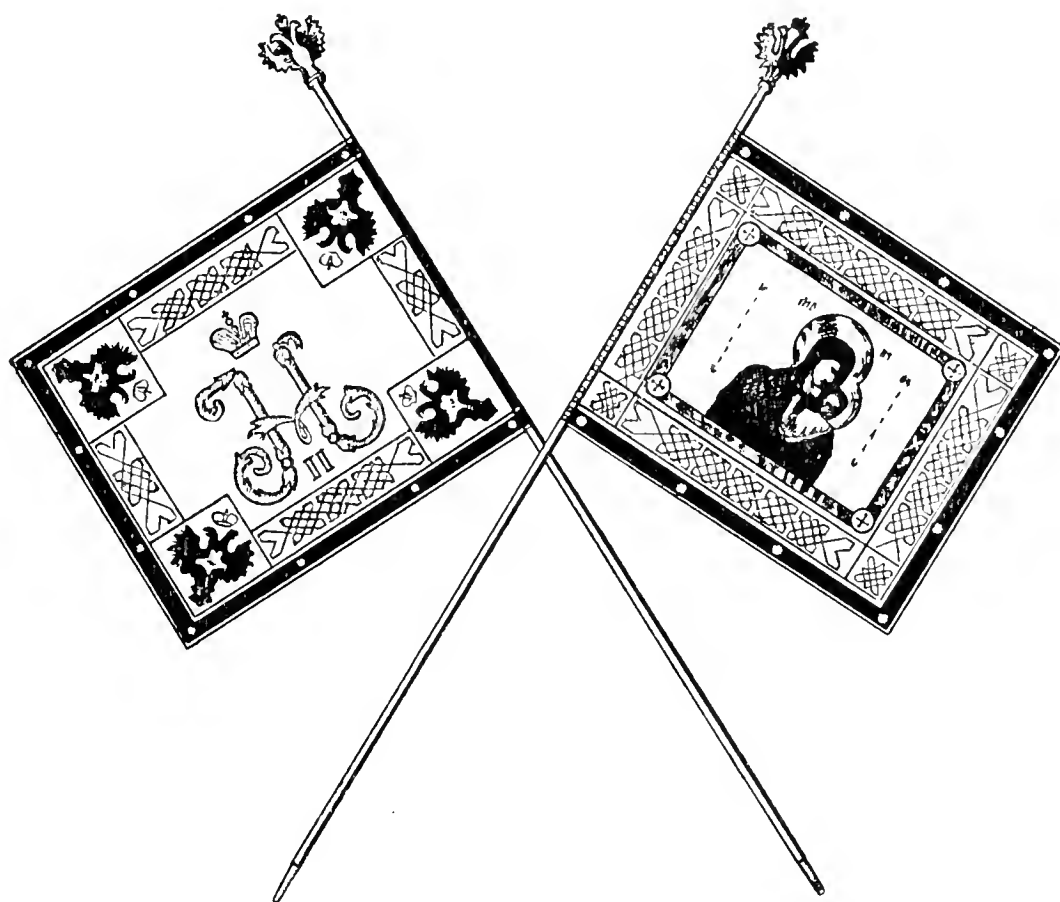

АЛЕКСЕЕВСКОЕ ВОЕННОЕ УЧИЛИЩЕ

1864 - 1964

составил П. А. НЕЧАЕВ

Военно-Историческая Библиотека « Военной Были »

№ 6

Государь Наследник Цесаревич
и Великий Князь АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ
Шеф Алексеевского Военного Училища.

«Никогда не забывайте, воспитавшее
вас, Алексеевское Военное Училище».
Слова последнего Начальника Училища
генерала-лейтенанта Хамина при
производстве юнкеров в офицеры.

ВСТУПЛЕНИЕ

На мой призыв, дать сведения о славном прошлом родного училища и о себе, сделанный в 1957 году, откликнулись 35 бывших юнкеров. И вот на основании этих воспоминаний и выписок из Военной Энциклопедии за 1911 год, любезно сделанных ретнимистром 6-го драгунского Глуховского полка Кузьминым-Караваевым, изложу я все, что удалось мне собрать о судьбах нашего родного училища со дня его основания до 1-го января 1917 года, дабы молодые поколения знали, как в его старых стенах постепенно штатский человек превращался в юнкера затем в офицера, имея девизом: «За Веру, Царя и Отечество».

Нагрудный знак
Алексеевского военного училища.

Официальная справка.

Наше училище основано в 1864 году как Московское пехотное юнкерское училище и просуществовало под этим названием до 1897 года, когда было переименовано в Московское Военное училище. При своем основании училище имело целью доставить возможность получения офицерского образования войсковым юнкерам и вольноопределяющимся, не окончившим среднюю школу. В 1886 году при нем были открыты два отделения с военно-училищным курсом, одногодичным для молодых людей с высшим образованием, и двухгодичным — для лиц, окончивших среднюю школу, с целью дать им возможность, попутно с исполнением воинской повинности, получить солидное военное образование и достичь офицерского звания.

Сначала наше училище находилось в ведении Главного Штаба и пополнялось исключительно вольноопределяющимися и охотниками, уже состоявшими на действительной службе, причем за обучение в отделениях с военно-училищным курсом не было установлено особой обязательной службы в войсках, как это было введено впоследствии во всех военных училищах.

В 1897 году училище было полностью переведено на военно-училищный курс с совершенным упразднением одногодичного курса, причем оно получило название Московского Военного Училища и было сравнено в правах с остальными военными училищами. (Приказ по Военному Ведомству 1897 г. № 200). Таким образом открылась возможность поступать в училище прямо со стороны, без предварительного зачисления в полки вольноопределяющимися. По окончании курса воспитанники производились прямо в офицеры, а не возвращались в свои полки подпрапорщиками, как это было раньше.

В том же 1897 году училище было подчинено Главному Начальнику военно-учебных заведений и сравнено с остальными военными училищами и по обмундированию и по столованию (Приказ по Военному Ведомству 1897 г. № 175).

Наконец, 10 августа 1898 г., перед торжественным открытием в Москве памятника Императору Александру II, училищу было Высочайше пожаловано знамя.

Высочайшим приказом по Военному Ведомству от 18 февраля 1906 года Шефом Московского Военного Училища был назначен Наследник Цесаревич и Великий Князь Алексей Ни-

колаевич и училищу повелено было именоваться Алексеевским Военным Училищем.

За свое почти 50-летнее существование Московское, а потом Алексеевское училище комплектовалось, по преимуществу, разночинцами, выпустило в войска очень много скромных, неприхотливых армейских офицеров, которые достойно несли всю тяжесть офицерской службы, как в мирное, так и в военное время. Близость, в Москве, к Александровскому Военному Училищу возбуждала в нашем училище благодарное соревнование, которое, конечно, приносило обоим заведениям несомненную пользу.

До 1897 года Начальниками училища были: полковники Кройман, Кузовский, Галахов, Шатилов, а позже — генералы: Лаймиг, Хабалов, Горбатовский и Хамин.

При выпуске из училища в офицеры достойнейшие юнкера получали премию полковника Пруженкова. Питомцем училища был бывший Начальник Штаба Верховного Главнокомандующего генерал от инфантерии Михаил Васильевич Алексеев. (Вып. 1876 г.).

Училищный праздник 22 октября. 1-го мая 1908 г., в память назначения Шефом училища Наследника Цесаревича, Высочайшим приказом утвержден особый нагрудный знак, право ношения которого предоставлено всем служившим в училище в день назначения Царственного Шефа, а также и юнкерам, состоявшим в тот день в училище. (Приказ по Военному Ведомству 1908 г. № 315). Затем бывшим юнкерам училища предоставлено право носить особый жетон, Высочайше одобренный 21 сентября 1909 г.

За свое существование, с 1864 по 1913 г.г. включительно, училище дало Российской Императорской армии около 8.150 офицеров, к этой цифре нужно еще добавить 5.700 офицеров, выпущенных начиная с 12 июля 1914 г. — 200 чел., 1 октября 1914 г. (13 мес.) — 200 чел., 1 декабря 1914 г. (4 мес.) — 200 чел., 1 февраля 1915 г. — 300 чел., 4 выпуска 1915 г.: май, июль, сентябрь и октябрь — 1.200 чел., 6 выпусков 1916 г. — 3.600 чел., дальнейшее нам неизвестно, таким образом за 52 года — около 13.850 офицеров.

Строевой командный состав с 1894 г. по 1916 г.

Командиры батальонов: полковники: Гурковский, Каншин («Чемодан»), Воронцов-Вельяминов («Конь»), Попов («Плакса»); подполковники: Кохановский и Добровольский. Командиры рот: 1-ой (впоследствии роты Его Высочества) капитаны: Романовский, Лебединский, Селихов, Мериманов, Панфилов, Фриде и под-

полковник Цыкун (прислан с фронта). 2-ой: капитаны: Пушкарев, Тулаев, Васильев («Сноровочка») и Авдеев (с фронта). 3-ей: капитаны: Кучин, Забелло и Будков. 4-ой: капитаны: Сипягин, Крутен, Бирюков, Возловский, Грживо-Домбровский и Деев (с фронта). 5-ой: капитаны: Ткачук и Калягин (с фронта). 6-ой: капитан Синьков и подполковник Вознесенский (с фронта). 7-ой: капитан Лостовский (с фронта) и штабе-капитан Халтурин. 8-ой: капитан Петров и штабе-капитан Кречун (с фронта). Адьютанты: капитан Белавин и штабе-капитан Коржаневский. Начальник хозяйственной части — полковник Акоев. Курсовые офицеры и их помощники: капитан Быстрин, штабе-капитаны: Смирнский, Козловский, Стефанович, Глухов, Авиллов, Фишер, Воскресенский, Мироевский и Кречун. Поручики: Казанский, Луполов, Печковский и Снуфриев. Подпоручики: Матвеев, Вележев, Каменский, Львов, Лавров и Летшер. Прапорщики: Тельберг, Рексин, Нагибин, Чухардин, Кромида, Миролюбов, Нечайев, Рогов, Крутов, Бабушкин, Иванов, Князь Волконский, Нефедов, Вертусов, Быков и Ружицкий.

Преподаватели военных наук с 1894 по 1916 г.г.

Инспектора классов: полковник Прудников, генерал-майоры: Кельчевский и Свенцицкий. Помощники инспектора полковники: Замбжицкий, Евсюк и подполковник Лобачевский. Военной истории: полковники Никольский и Суворов. Военной географии — полковник Степанов, русской литературы — генерал-майор в отставке Сергиевич. Законоведения — полковник Салатко-Петрище. Закона Божия — священник Потехин. Химии — профессор Числов и капитан Горовой. Администрации — полковник Мاستыко. Гигиены — старший врач Черняевский и младший — Лиховецкий. Тактики — полк. Сыртланов (убит в 1915 г.), полк. Генбачев, штабе-капитан Шайдле, капитан Потоцкий, генерал-майор Гутор, полковники: Мартынов и Гринев и подполковник Князь Бегильде-ев. Артиллерии — полковник Каменцев, штабе-капитан Свенцицкий и генерал-майор Михайлов. Топографии — генерал-лейтенант Хамин и полковник Гринев. Фортификации — полковники Зубчанинов, Вигант, подполковник Толмачев (с фронта), капитан Брилинг и полковник Стерлингов. Языков — Брандт и Теникэ. Пулемета — капитан Петров, штабе-капитан Стефанович, поручики: Ткачук и Брекало (с фронта). Заведующий складом учебных пособий — Кишеневский (бывший старший барабанщик училища, любимец юнкеров и офицеров).

1. УСЛОВИЯ ПРИЕМА И МЕДИЦИНСКИЙ ОСМОТР.

Для поступления в училище требовался аттестат зрелости или свидетельство об окончании семи классов Реального Училища. Это неукоснительно соблюдалось до 1-го мая 1915 года, когда впервые в училище приняли 6-7 человек, окончивших только шесть классов. Кроме того, требовалась подписка о непринадлежности ни к какой политической партии с обязательством и впредь ни в одну из них не вступать.

Ввиду громадного наплыва молодежи в училище, когда на 200 вакансий являлось 700-800 человек, прием производился по конкурсу аттестатов.

Юнкер выпуска 15 июня 1908 года пишет: «В 1906 году на 200 свободных вакансий явились 800 желающих, гимназистов, студентов, реалистов, семинаристов и др. Выбор был хитрый. В день приема я с моими приятелями, девятью кавказцами, вошли в манеж училища и сбавдели. Почти половина манежа была заполнена студентами, лишь изредка можно было видеть фуражку гимназиста или реалиста. В первый момент у нас было впечатление, что мы попали на сходку или на митинг. Мы собрались было уже уходить, но кто-то из знающих нас успокоил».

«Принимали нас по конкурсу аттестатов и конкурсная отметка была 4 по пятибалльной системе», пишет юнкер выпуска 12 июля 1914 года. «Со мной поступило 5 с высшим образованием, 42 с золотыми и серебряными медалями, много студентов, а мы, все остальные, с аттестатами зрелости».

В старые времена на одногодичный курс принимали только окончивших высшее учебное заведение. Наш старейший однокашник вып. 1895 г. пишет: «нас поступило в 1895 г. 29 человек с высшим образованием, все в следующем году были произведены в подпоручики, с годичным старшинством».

В чем же заключался медицинский осмотр? Из массы явившихся нужно было отобрать действительно почти «геркулесов». Браковали за малейший дефект в состоянии здоровья. Особенное внимание обращалось на зрение. Конечно, в мирное время никакие очки в училище не допускались. Не принимали моложе 17 лет, как не принимали и женатых. В военное время условия приема, конечно, изменились, и стали принимать с шестиклассным и даже четырехклассным свидетельством. Училище развернулось в пять, а затем и в 8 рот по 150 юнкеров в каждой. Нужно сказать, что очень малый процент не выдерживал режима училища и уходил до принесения присяги.

2. ПЕРВЫЕ ДНИ В УЧИЛИЩЕ.

Все принятые в училище немедленно же разбивались по ротам. Юнкер выпуска 1 окт. 1915 г. пишет: «в числе поступивших со мною было громадное количество «верзил» и, к моему огорчению, я, предназначенный на медицинском осмотре в роту Его Высочества, оказался на левом фланге 3-го взвода 2-ой роты. На правобланговых роты Его Высочества не могли подобрать смундирования и пришлось спешно им шить все по мерке. Между прочим, один из них был брат неизвестного в те времена футуриста Бурлюка. Каждая рота носила у юнкеров свое прозвище: Его Высочества рота — «кресодилы», вторая — «извозчики», третья — «девочки», четвертая — «шкалики», пятая — «барабанщики». После разбивки и получения казенного обмундирования была стрижка под машинку, баня, сдача собственных вещей. Постепенно мы принимали воинский вид».

«В первый же день на проверке ротный командир нашей 5-й роты капитан Ткачук, поздравившись с ротой, сказал: «Дисциплина будет суровая, но не невозможная. Нам нужны действительно желающие быть офицерами. Кто не хочет — может уйти. Еще есть время. На ваше место есть много желающих. Подумайте хорошо. После присяги будет поздно. Тогда уход только в рядовые на правах вольноопределяющихся». На второй день ушло несколько человек».

Возможно, что в мирное время обмундирование выдавалось лучшего качества. К сожалению, питомцы мирного времени не дали сведений о всех условиях жизни родного училища, поэтому приходится довольствоваться только тем, что находится в нашем зарубежном архиве.

3. ЗАНЯТИЯ ДО ПРИСЯГИ.

В мирное время (то-есть на двухгодичный курс), юнкера поступали 1-го сентября, а производились в офицеры через два года, 6-го августа. В военное время все это изменилось: присяга была в мирное время 5-го октября, то-есть перед декабром, а в военное время на 13-ый или 14-ый день со дня поступления. Вот что пишет юнкер выпуска 15-го июня 1908 года: «Весь младший курс состоял из штатских людей. Мы были одеты в юнкерскую форму и нас начали обучать. Первые два-три месяца нас не пускали в отпуск до тех пор, пока мы не научились отдавать честь и вертеть головой на 360 градусов. Наш любимый полуротный капитан Михаил Павлович Селихов обучал нас на младшем курсе, перешел с нами на старший и довел до производства в офицеры. Чудный был

человек, хороший строевик и воспитатель. Автор вышеописанного принадлежит к первому выпуску «чистокровных» Алексеевцев (Шефство было дано Училищу 18 февраля 1906 года). А теперь послушаем, что говорит юнкер выпуска 12 июля 1914 года:

«Итак, мы были прикомандированные (то-есть могли покинуть училище в любое время) и юнкера старшего курса стали нашими «дядьками». У каждого молодого свой инструктор — «господин старший» и, конечно, начальство: фельдфебель, взводные, отделенные и прочие должностные лица. Все эти «господа подпоручики» начали нас муштровать и приучать к военной дисциплине, довольно суровой, дабы удалить нежелательный и непригодный к военной службе элемент. Каждый старший имел право вас «цукать» и говорить: «доложите вашему взводному, отделенному», что означало получить не в очередь «наряд».

Были выданы винтовки, и нас стали обучать ружейным приемам. Кроме утомительных строевых занятий, была каждый день и утренняя гимнастика. Помимо уставных упражнений (Наставление по гимнастике, Высочайше утвержденное в 1910 году) было втягивание в бег и ходьбу. Словом, включая учебные часы по военным наукам, на первых порах (то-есть до присяги) нам не хватало времени, которое стремительно летело и уже после вечерней переклички все засыпали богатырским сном. Утром труба горниста или же барабан будили юнкеров («козерогов», так назывались прикомандированные молодые люди до перевода на старший курс) в 5 часов 45 минут утра. Нужно было быстро вставать, убирать кровать, чистить сапоги, умываться и быть готовым к утреннему осмотру. Сапоги, бляха и пуговицы должны были гореть «на ять» (юнкерское выражение). Малейший недостаток сопровождался взысканием... Затем — молитва, гимнастика, утренний чай и строевые или учебные занятия.

Учили нас и учебному («гусиному») шагу, чтобы исправить нашу «штатскую походку». Только люди с сильной волей и энергией оставались, а слабые стали понемногу уходить. Одежда и сапоги всегда были сложены с вечера на табурете около кровати (конечно — простой, железной с соломенным матрацом и «кажанным» одеялом) в полном порядке. Если кто-либо сложил кое-как, то ночью разбудят и заставят сложить, как следует. А если будет повторяться, то будет наложено взыскание: 1) замечание, 2) выговор, 3) наряд, 4) под винтовку на час, 5) лишение отпуска, 6) под арест. Фельдфебель и португей-юнкера под винтовку не ставились. Старший португей-юнкер — это взводный командир с тремя белыми нашивками с красной nitочкой по середине каждой нашивки, у него тезак с офицерским темляком;

младший португей-юнкер — отделенный командир с двумя такими же нашивками и тесаком с офицерским темляком. Гренадеры носили такие же нашивки с красной nitочкой, а гвардейцы — тезаки. Самое же главное на училищном знамени, на древке был двуглавый орел, как в гвардии.

Накануне присяги один юнкер писал своей матери: «Дорогая мама! Все идет хорошо, не беспокойся за меня, Я чувствую себя великолепно». В то же время слезы у него катились градом... но было жедание доказать своей матери и друзьям, что человек все может перенести, если пожелает. Испытание кончилось...

Юнкер вып. 1-IX-1915 г. вспоминает: «В Алексеевском училище я провел лишь 4 месяца, но и за такой короткий срок оно стало мне родным и дорогим... Невозможно это объяснить лишь тем, что это «интернат», закрытое учебное заведение. Произошло это потому, что там большинство, как и я, пришли туда добровольно набраться знаний для защиты любимой родины. Мы все горели любовью к Ней и Царю и наше горение и любовь распростанялись и на наших наставников — воспитателей, и на наших однокашников — юнкеров и НА САМОЕ УЧИЛИЩЕ, нашу Alma mater. Жалею, что память не удержала целиком песню, написанную юнкером нашей 3-й роты Крамером. Помню лишь одну строфу:

«Кто в Берлин, а кто на Вену,
Кто на славный Цареград,
Путь один нам на победу,
В этот путь, ведь, всякий рад».

и пришев к ней:

«Ну-ка дружно, Третья рота,
Грянем громкое «ура»
За родную Русь Святую
И за Батюшку-Царя».

4. ПОХОРОНЫ ИШАКА.

(Традиция училищ, пополняемых штатскими людьми: гимназистами, реалистами, студентами, семинаристами и др.).

«Что я вижу, что я слышу,
«Козерог» ползет по крыше...

Эта традиция никогда не запрещалась Начальником Училища, равно как и офицерами училища, как на зимних квартирах, так и в лагере в военное время, несмотря на ускоренные четырехмесячные выпуски. Цель ее была воспитательная. Юнкер выпуска 1 октября 1915 года (четырёхмесячного) пишет:

«Итак, в ночь накануне присяги, к десяти часам вечера казалось, что лагерь, как обычно, крепко спит; на самом же деле не спал никто и, лежа под одеялом на своей койке, только ждал сигнала для начала парада. В канун присяги наш фельдфебель Шалль во время есечерней переклички, на которой, как бы случайно, отсутствовали наши офицеры, прочел приказ по курилке, в котором говорилось об обязательном присутствии «козорогов» на похоронах шпака. Наконец, сигнал был дан и бараки закипели лихорадочной жизнью: юнкера быстро вскакивали, поспешно надевали заранее приготовленные и тщательно каждым продуманные костюмы и быстро строились перед бараками своих рот. Фантазии и изобретательности каждого юнкера предоставлялось придумать себе соответствующий событию костюм, причем приходилось, конечно, удовлетворяться тем, что было под рукой; некоторые воспользовались своим штатским платьем, в котором они прибыли в училище, другие обратились за помощью к нашим ротным каптенармусам, снабдившим их мундирами мирного времени и киверами. Большинство было в одних кальсонах, в мундирах и киверах, некоторые — в шляпах, кепках и штатских фуражках, в студенческих тужурках или пиджаках, одним словом — в различных комбинациях штатского с военным; были в бескозырках задом наперед, но все, без исключения, без штанов; винтовки несли на правом плече и прикладом вверх. Из подвижных, на колесах, стоек для колки чучел штыками была сооружена погребальная колесница, которую везли десяток голых юнкеров, а на ней покбилося чучело шпака. Эта колесница, окруженная горящими факелами в руках дико скакавших и кривлявшихся также голых юнкеров, под звуки идущего впереди импровизированного оркестра, состоявшего из самых необычайных инструментов, вроде медных тазов, чайников и сковород, открывала шествие, которое проследовало сначала почти по всему лагерю, а затем направилось на небольшой плац, к саперному городку за бараком 5-ой роты, где и произошла символическая церемония похорон. Говорились надгробные речи на тему о забвении всего штатского, стоял дикий вой визг и плач. Затем состоялся церемониальный марш, которым командовал фельдфебель нашей роты Шалль, а принимал парад фельдфебель роты Его Высочества в мундире, кивере и без штанов, увешенный массой различных орденов и лент. После церемониального марша роты были разведены по баракам, и буквально через две минуты казалось, что ничего решительно не происходило и лагерь давно уже спит обычным непробудным и крепким сном... Появился дежурный офицер, как будто бы в воду канувший во время «церемонии», появились и

другие офицеры и, найдя все в порядке, спокойно удалились. Как оказалось, не только наши офицеры и их семьи наблюдали издали «похороны шпака», но на эту церемонию собралась масса дачниц и дачников ближайших окрестностей. В темноте ночи их, любовавшихся нами из ближайшего леса, не было заметно, мы же, освещенные со всех сторон горящими факелами, представляли, вероятно, несколько необычайное зрелище. Когда я был на старшем курсе, участие нас, старших, в этой церемонии было необязательным. Мы тогда находились на зимних квартирах и «похороны шпака» были лишены той красоты и розмаха как в лагере, так как совершались в училищном манеже. Вся церемония происходила так же, как и у нас, только помню, что одна рота, кажется, третья, была однообразно одета: совершенно голые, но в бескозырках, пояс с подсумками, в сапогах и с винтовками».

5. ПРИСЯГА.

«Принятие присяги у нас (пишет юнкер выпуска 1 декабря 1914 года) приноровили к моменту полного обучения юнкеров строю, ружейным приемам и умению отдавать честь на улице, то-есть, когда твердо усвоили, кому просто отдается честь, а кому нужно становиться во фронт и как это делается. В мирное время присяга была 5 октября, а теперь назначена на 17 августа. Принятие присяги происходило в нашем манеже в очень торжественной обстановке. Все были очень серьезны и, слушая слова присяги, проникались сознанием великой ответственности в своей будущей службе Государю и родине. Мы все горячо молились и, целуя Св. Евангелие, Крест и Знамя, действительно, переходили как бы в другой мир и клялись до смерти защищать Веру, Царя и Отечество. В этот день в первый раз молодых юнкеров пустили в отпуск».

А вот и другой юнкер, тоже четырехмесячного курса, пишет: «Утром мы были построены в манеже для принятия присяги 13 мая 1915 года. Этот торжественный день никогда не изгладится из моей памяти. Посередине каре был аналой с Св. Евангелием, Крестом и Знамя училища. Священник произносил слова клятвы, а мы все повторяли вслух. Были прочитаны адъютантом училища штабе-капитаном Корженевским (пал смертью храбрых в рядах 3-го Сибирского полка в 1916 году на Македонском фронте) военные законы, карающие за нарушение клятвы, а также награждающие за храбрость. До сих пор гудят в ушах слова: «Ни высокий род, ни прежнее заслуги не приемлются к удостоению ордена Св. Великомученика и По-

бедоноса Георгия, но кто с боя возьмет неприятельское знамя или штандарт или же исторгнет от неприятеля свое — награждается орденом Св. Георгия, кто на предложение сдаться, ответит твердым и непоколебимым отказом. Клянусь и обязуюсь защищать Веру, Царя и Стечество до последней капли крови». Не меньше двух часов пришлось стоять, не шевелясь, и повторять слова присяги. После должны были целовать Крест, Св. Евангелие и Знамя. Начальник училища генерал-майор Хамин поздравил нас с принятием присяги и вступлением в ряды славной Императорской Русской Армии. Он выразил надежду на то, что мы действительно будем достойны высокого звания офицеров Русской Армии. Громовое «ура» было ответом. Затем, он пропустил нас церемониальным маршем мимо себя. Радость моя была выше всех границ. Я стал юнкером младшего курса 5-ой роты Алексеевского военного училища, Шефом которого был Наследник Цесаревич и Великий Князь Алексей Николаевич. Этот торжественный и радостный момент никто и ничто не вырвет из меня до последней минуты жизни».

6. ЗИМНИЕ КВАРТИРЫ.

Здание Алексеевского военного училища принадлежало, согласно сведениям старейшего юнкера выпуска 1895 года, фельдмаршалу Миниху и находилось в Лефортово, сейчас же за мостом через реку Язу, с правой стороны улицы. Толстые кирпичные стены, окружающие сто двор и хозяйственные постройки, выходили на берег этой реки. Рядом с училищем помещался 3-ий Московский кадетский корпус с баней, которой мы пользовались за неимением своей, а напротив, на другой стороне улицы казарменного вида (флигеля) были квартиры Начальника училища и персонала. Широкий величественный подъезд вел в обширную швейцарскую, причем справа и слева были огромные (выше роста человека) зеркала (два), в которые юнкера по возвращении из отпуска осматривали себя, чтобы все было в порядке. Из швейцарской лестница в два марша вела во второй этаж. В первом этаже находились наши классные комнаты, учебный кабинет (химии и физики), канцелярия, комната преподавателей и другие хозяйственные помещения, в числе которых был и училищный музей (помню только одну кривую простую палку, с которой играл во дворце наш юный и обожаемый Шеф Наследник Цесаревич и Великий Князь Алексей Николаевич). Тотчас же около швейцарской, с правой стороны, окнами на улицу, помещалась приемная комната для посетителей,

очень уютно обставленная мягкой мебелью, с картинами по стенам и с маленьким столиком у дверей для дежурного по приемной портупей-юнкера. В этой приемной нас навещали наши родные и знакомые.

Роты находились во втором этаже; влево от комнаты дежурного офицера — рота Его Высочества и 2-ая; 5-ая рота против паркетного огромного торжественного зала, всегда блестяще начищенного, в котором потом помещалась 6-ая рота, а вправо — 3-я и 4-ая роты, церковь и чайная юнкеров. Из помещения второй роты шел коридор (служивший разводной площадкой), посредине которого были двери в специально оборудованные карцеры. Из зала 5-й роты вела лестница в манеж.

Во втором этаже помещался также лазарет. Юнкер выпуска 1909 года пишет: «Лазарет был в стенах училища, но «венерические» больные помещались в отдельной палате и на халатах их были красные воротники, чтобы эти больные не смешивались с другими. В лазарете был кабинет зубного врача».

В каждой роте была своя бесплатная парикмахерская. Читальная комната с разными военными газетами была в помещении младшего курса 2-ой роты.

Мраморные доски.

В большом портретном зале с портретами Императоров на стенах были прибиты и мраморные доски, на которых золотыми буквами были написаны фамилии бывших юнкеров-Георгиевских кавалеров с описанием их подвигов.

Были доски и с фамилиями юнкеров, окончивших первыми наше училище. Из Георгиевских кавалеров почему-то вспоминается имя капитане Ткачука, Григория Романовича, награжденного орденом Св. Георгия 4-ой степени в Японскую войну 1904-1905 г.г., других же не вспоминаю.

В 1895 года первым по успехам окончил юнкер Леонид Собинов, 3-ей роты (певец Императорских театров); в 1908 году — фельдфебель 2-ой роты Самойлов; в 1909 году — фельдфебель 2-ой роты Волков.

Юнкер выпуска 1 декабря 1916 года пишет: «При входе в училище (я не помню в каком месте) находится доска с надписью, что в 1837 году здесь была открыта «Лефортовская школа подпрапорщиков», в 1864 году эта школа подпрапорщиков переименована в Московское юнкерское училище и т. д. Дальше все совпадает со сведениями Военной Энциклопедии.

Юнкер выпуска 22 апреля 1905 года (ныне умерший во Франции) пишет, что на стене, при входе в комнату дежурного офицера (зим-

ние квартиры), была доска о посещении училища Государем Императором Николаем II-м. Дата, к великому огорчению, не была указана.

Церковь.

К великому счастью и нашей гордости один из однокашников военного времени, выпуска 1 декабря 1916 года, прислал в архив фотографию-открытку нашей церкви на зимних квартирах училища в Лефортово, в Москве. Конечно, в настоящее время ее уже, наверно, нет. Церковь сияет благолепием: прекрасная архитектура на стенах и потолке, колонны, люстры, иконостас, паркетный пол и хоры. Я уже многое забыл... В мирное время, как и в военное, мы ходили в церковь по субботам и воскресеньям и говели. В мирное время был отец Потехин и дьякон-бас, но, к великому сожалению, до сих пор не знаем ни имени отца Потехина, ни имени и фамилии дьякона. Регентом церковного хора в мирное время был капитан Туласв, а помощником — младший портупей-юнкер Кржижановский Михаил Николаевич, выпуска 1910 года. Стоять в церкви юнкера должны были смиренно, не оборачиваясь ни назад ни по сторонам, но креститься, делать поклоны головой и становиться на колени разрешалось. Начальник училища, офицеры и их семьи также часто бывали в церкви. По стенам были мраморные доски, на которых золотыми буквами были написаны фамилии бывших юнкеров училища, в боях за Веру, Царя и Отечество живот свой положивших.

Юнкер, выпуска 1909 года, давший сведения о мраморных досках, пишет: «Я до сих пор с невыразимым удовольствием вспоминаю субботнюю вечерню в почти совершенно темной церкви. Особенно хорошо мы пели пианиссимо «Стверзи уста мои», а также после возгласа священника «Богородицу и Матерь Света в песнях возвеличим», хор поет пианиссимо «Величит душа моя Господа и возрадовася дух мой о Боге Спасе моем»..., все это — обиходное, но, по-моему, — самое прекрасное пение для русского человека, любящего церковную службу.

В лагере на Ходынке была каменная церковь для нас и Тверского кавалерийского училища недалеко от нашего расположения, где также пел наш хор».

Училищный и шефский праздник.

По получаемым от однокашников сведениям об училище невольно можно сделать ошибку. Так, некоторые считают училищным праздником 5-ое октября, а другие — 22-ое октября. Кто прав, кто виноват, судить не нам, но все же нужно сказать кое-что по этому поводу. 22-ое октября — это училищный праздник, ибо

на нашем знамени изображен образ Казанской Божией Матери. Маленький пример: полковой праздник 93-го пехотного Иркутского полка в день Св. Николая, то-есть 6-го декабря (на знамени был изображен Св. Николай Чудотворец), а Шефский — 22-го ноября, то-есть в честь Великого Князя Михаила Александровича — Шефа полка. Значит, исходя из этого соображения, можно сказать, что 5 октября у нас не училищный, а Шефский праздник Наследника Цесаревича Великого Князя Алексея Николаевича.

Выписка из Военной Энциклопедии ясно и определенно говорит: училищный праздник 22-го октября (все даты, конечно, по старому стилю).

Сднокашник мирного времени пишет: «Каждый год, на Пасху, командир первой роты и фельдфебель ездили в Петербург христосоваться с Царем и Царицей, от которых получали по маленькому золотому яичку с государственным гербом и ценными камнями».

Юнкер вып. 1-го декабря 1914 г. сообщает: «22 октября, в день нашего училищного праздника во имя Казанской Божией Матери, было скромно отпраздновано 50-летие основания училища. Мы были построены в манеже, был торжественный молебен и панихида, а после мы прошли церемониальным маршем перед Командующим Войсками округа и массой приглашенного начальства. Среди присутствующих было много старых питомцев училища. Во время праздничного обеда играл духовой оркестр и после мы были отпущены в отпуск. Вот как скромно было отпраздновано наше пятидесятилетие в виду военного времени».

7. СТРОЕВОЙ КОМАНДНЫЙ СОСТАВ.

Как известно, училище во время войны, в конце 1914 года, развернулось в пять рот, а с сентября 1915 года — в восемь рот по 150 юнкеров, двух-батальонного состава. Всего, с 1-го сентября 1915 года, стало 1.200 юнкеров. Первый батальон состоял, как ни странно, из: Роты Его Высочества, 5-ой роты, 2-ой роты и 6-ой роты: командир 1-го батальона подполковник Кохановский. Второй батальон из: 3-ей роты, 7-ой роты, 4-ой роты и 8-ой роты с командиром батальона подполковником Добровольским. В связи с увеличением численного состава юнкеров пришлось увеличить и число офицеров. Стсюда появились помощники курсовых офицеров из вновь произведенных прапорщиков, которых оставляли при училище в случае их согласия. Новые помощники заняли должности командиров взводов, по 4 на роту. Таким обра-

зом курсовые офицеры старшего и младшего курсов имели по два помощника, что в значительной степени облегчало их работу. Командиры взводов, прапорщики армейской пехоты, считались не штатными, а прикомандированными к училищу на неопределенный срок. Некоторые за свою службу в училище были Высочайше награждены орденом Св. Станислава 3-ей степени (без мечей) и чином подпоручика после 12-месячного пребывания в этой должности. Затем, в 1916 году началось замен штатных и прикомандированных — офицерами с фронта. К концу 1916 года почти все они уже были на фронте, как штатные, так и прикомандированные. Исключением, конечно, были Начальник училища и капитан Ткачук, бывший участник войны 1904-1905 г.г. Так, можно сказать, стал ослабевать и училищный дух, внедренный испытанными воспитателями.

Офицеры с фронта обладали боевым опытом, но не могли быстро схватить качества, необходимые офицеру-воспитателю. Особенно это проявлялось в их неумении держать себя с юнкерами. То, что было возможно с солдатами, было совершенно недопустимо в отношении юнкеров. Воспитателем быть не всякому дано и нужно для этого иметь много особых качеств. Что же можно сказать о всем, что делали командные лица, вырабатывая из юнкеров будущих офицеров? Выполняли они свою роль или нет? На этот трудный и деликатный вопрос можно чистосердечно сказать — да, они, наши командиры-воспитатели, выполняли ее с честью не только в стенах училища, но и на поле чести Великой войны, пав смертью храбрых.

«Не было случая», пишет юнкер выпуска 1910 года, «чтобы кого-либо обидели или заделали его самодушие. Бывший адъютант училища штабс-капитан Корженевский и полуротный 5-ой роты штабс-капитан Глухов Иван Филиппович пали на поле чести в 1914-1917 г.г. Незаметно вдохнули они в наши юные души незримый дух, который нас снова (в свое время были Объединения Алексеевцев в Югославии, Париже и др.) сковал в единую семью Алексеевцев-Московцев, начиная от старейшего генерал-лейтенанта и кончая последним прапорщиком. У нас нет разделения на офицеров мирного и военного времени. Государь Император Высочайшим приказом производил в мирное время в подпоручики, а в военное время — в прапорщики. И те и другие были офицеры Императорской Русской Армии.

Время показало, что прапорщики так же высоко ценили звание офицера, как и подпоручики мирного времени. В помощники курсовых офицеров брались из прапорщиков, окончивших училище не меньше португей-юнкера, и они действительно помогали курсовым офи-

церам в их трудной воспитательской, строевой и полевой службе. Ввиду разного срока пребывания на старшем и младшем курсе, иногда нужно было меньше, чем в месяц, выбрать отделенных, взводных и фельдфебеля. Опираясь на этих юных (17-летних иногда) помощников, курсовой офицер выбирал будущее начальство без ошибок. Все это показывает, что его юные помощники были от всей души преданы родному училищу и дорожили его честью и славой.

Главным кумиром и вдохновителем юнкеров на высший подвиг был капитан Ткачук, прошедший все должности в училище, до командира батальона включительно. Он был сыном фельдфебеля 93-го пехотного Иркутского Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Александровича полка, офицеры которого на свои средства (после смерти его отца) дали ему образование в Псковской классической гимназии, а затем в Московском военном училище; его орден Св. Георгия 4-ой степени, полученный в войну с Японией в 1904-1905 годах, давал многим и многим юнкерам пример воинского подвига. Многие последовали его примеру и также были Георгиевскими кавалерами. Алексеевцы не забудут эту благородную, истинно русскую душу, которая много содействовала расцвету нашего родного училища. О нем был уже помещен в «Военной Были» отрывок из воспоминаний юнкера выпуска 1-го декабря 1914 года. Юнкер вып. 1-го декабря 1914 г. пишет: «В Алексеевское военное училище я снова попал в 1916 г., будучи проездом в Москве. Конечно, я пошел прямо к капитану Ткачуку. Встреча была самая сердечная, он повел меня в мою роту, где сказал краткую речь юнкерам и, указывая на мое Георгиевское оружие и Св. Владимира с мечами, вскричал: «Это наш бывший юнкер, он поступил сюда таким же шпаком, как и вы, училище сделало из него офицера, а война — Георгиевского кавалера...». Это была моя последняя встреча с моим дорогим наставником и учителем и родным училищем».

8. УЧЕБНЫЕ ЗАНЯТИЯ.

Вся программа военных наук распределялась в мирное время на три года, когда училище принимало на общеобразовательный курс: на два года имевших среднее образование; на один год — лиц, поступавших с оконченным высшим образованием; наконец, в военное время — на 4 месяца с кое-какими сокращениями в курсе. (Например, была опущена долговременная фортификация, инструментальные съемки, Военная история, Военная география,

Химия, Законоведение). Занятия были большей частью утром или же после обеда, словом, — в зависимости от расписания. Предметы были для штатского человека совершенно незнакомые и очень, иногда, интересные. Все зависело от того, кто их преподавал (система лекционная, когда нужно было вести записи). Педагогический персонал в большинстве был составлен из офицеров Генерального Штаба, прекрасно знавших свое дело. Никакие пререкания и заявления протеста, конечно, не могли иметь места. «Так точно, господин полковник!», «Слушаю, господин полковник!», вот были ответы. Стоять нужно было по всем правилам строевого устава. Никакие отставления ноги и жесты кулацкая не допускались и были строго наказуемы, как нарушение дисциплины и неуважение к начальству или же к старшему. Книжные пособия (заведывал ими старичек Кишиневский, бывший барабанщик училища, очень любимой офицерами и юнкерами. Он получил от училища в 1908 году за свою 25-летнюю службу новый костюм, чем был несказанно обрадован. Он никогда ни в чем не отказывал юнкерам) были в достаточном количестве. На некоторых книгах были очень полезные пометки карандашом или чернилами, из которых удалось установить, что 120 страниц тактики делились в мирное время, то-есть, перед концом 1914 года, на 4 репетиции, тогда как в мое время (май-сентябрь 1915 года) и дальше равнялось одной репетиции. Неудивительно, что одноклассники мирного времени говорят, что учиться было нетрудно, если только приложить некоторое старание. В военное время для подготовки к репетициям было гораздо меньше времени. Лекции читались так же, как и в мирное время, и «майоры», то-есть юнкера, по какой-либо причине или болезни возобновлявшие курс, нам объясняли все особенности каждого преподавателя. Самым ужасным предметом была Артиллерия, которую блестяще читал подполковник Каменцев («Пушка», «Пушечка» — прозвища юнкеров). Нельзя не признать изобретательности юнкеров, которые очень метко давали прозвища тому или другому офицеру. «Палил» он из «пушечки», выражаясь на юнкерском жаргоне, на «ять», и не был непогрязаемого пространства (почти все юнкера имели плохие баллы). Юнкер выпуска 1-го декабря 1914 года (4-месячного) пишет: «старшие юнкера пугали нас преподавателем артиллерии полковником Каменцевым, по прозвищу «Пушка». На лекциях он никого не спрашивал, а только прекрасно нам преподавал артиллерию. Рост он имел маленький, волосы черные, большую бороду, расчесанную на две стороны, всегда был любезен, но то, что мы услышали и увидели на экзамене, превзошло наши ожидания. Это была, действительно, стреляющая

«пушка», малейшая ошибка в ответе вызывала бешеный крик и лежащим на столе штыком он колотил по столу из всех своих сил. От такого крика многие юнкера терялись и отвечали еще хуже, а он колотил еще сильнее и крик его переходил в визг. Высшей отметкой была девятка (9 баллов), а худшей — единица. Семерки и восьмерки получали не больше шестидесяти процентов, но начальник училища приказал всем несдавшим поставить 7 баллов. Это внесло большое успокоение, его крику не стали придавать серьезного значения и лучше стали отвечать на следующих репетициях. Метод преподавания был лекционный, знания юнкеров проверялись на репетициях и оценивались по 12-балльной системе. Письменных испытаний не было, но юнкера были обязаны записывать лекции по тактике, артиллерии и фортификации. Тетради эти с записям неоднократно проверялись преподавателями и имели большое значение при выводе балла по данному предмету. В лагере лекции читались в бараках, юнкера сидели на кроватях, а преподаватель имел маленький стол и стул. Тактику читал полковник Генерального Штаба Мартынов («под-зу-брить» — прозвище). Читал он живо и увлекал за собой юнкеров. За это юнкера его очень любили. Всякий раз, когда было что-либо важное, он говорил слово «подзубрить» по складам (под-зу-брить), что означало — знать на память. Тактика преподавалась уже насыщенная опытом Японской войны, на которой был наш Начальник училища генерал-лейтенант Хамин. Он сам с большим мастерством читал нам топографию, и нам нужно было не только вести записи, но, когда он приносил сделанные из палье-маше рельефные изображения местности, мы должны были их изображать на бумаге топографическими знаками. На его лекциях и репетициях, конечно, было тихо и спокойно. Но зато какой ужас наводил на нас инспектор классов генерал-майор Свендицкий, трудно пером описать. Носил он прозвище «Сифон» за свой охрипший голос (повидимому, у него были повреждены голосовые связки и он буквально «шипел»). Его любимой и бесконечно повторяемой фразой было: «Абсолютное непонимание!» Дисциплина на его лекциях была драконовская. На первых партиях он сажал гимназистов и реалистов, а затем шли семинаристы и лица с высшим образованием. Читал он топографию очень сухо, но, конечно, знал дело, как и другие, превосходное. При плохом ответе, он неизменно спрашивал: «Вы что окончили?» «Университет, Ваше Превосходительство». «А я думал, что городское училище. Вы не знаете простой арифметики! Абсолютное непонимание!».

Скучным предметом была фортификация.

которую нам читал флегматичный полковник Стерлингов и подполковник Толмачев (потерявший руку на войне 1914 года). Требовалось хорошо делать чертежи окопов и пояснения к ним. На доске отвечающий юнкер должен был писать свою фамилию. И вот случалось, что юнкер забывал стереть фамилию, и тогда при ответе полковник Стерлингов неизменно произносил: «юнкер под псевдонимом, отвечайте». Так продолжалось, пока растерявшийся юнкер, наконец, понимал, стирал старую фамилию и писал свою. Никаких шпаргалок или подсказок не существовало. Это грозило третьим рядом по поведению.

Это было в военное время, а в мирное время читали фортификацию полковники Зубчанинов и Вигант (военные инженеры, строители Московской гостиницы «Метрополь»). О их преподавании нет сведений.

Военная история, Военная география, Русская литература, Закон Божий, Законоведение, Химия и др. не описаны юнкерами мирного времени. Администрацию читал в военное время полковник Мастыко (высокого роста, в очках). Вот, что пишет юнкер выпуска 1-го октября 1915 года: «Самой увлекательной и интересной лекцией в смысле ее чтения была лекция по военной Администрации полковника Мастыко, военного юриста по образованию. Нужно сознаться, что читал он свой довольно скучный предмет настолько хорошо, приводя в пояснение массу исторических и бытовых примеров и анекдотов, что мы, юнкера, всегда с большим удовольствием ожидали его урока. Кроме того, он весьма щедро ставил баллы на репетициях, что также не могло не нравиться юнкерам. Выше, при описании учебных занятий, юнкер говорил, что не было письменных репетиций. Это не совсем точно. По Администрации они были в дополнении к устным. Лекции, как и по другим предметам, иногда происходили в юнкерском парке под соснами, где полковник Мастыко был окружен сидящими на траве юнкерами с тетрадами в руках. На его вопрос: «Кто такие два лица, название которых оканчивается на «мус» и без которых не может существовать ни одна в мире армия?» — последовало отовсюду: «я знаю, господин полковник!» Поднялся шум и крик... Полковник Мастыко спокойно скомандовал: «Встать смирно! Равнение на-середину!» Все мы «пулей» встали и, вытянувшись, ждали в полной уверенности, что, наверно, появился Начальник училища... Каково же было наше удивление, когда он снова скомандовал: «Садитесь!» Никого, конечно, не было и он, торжествуя, объяснил, что это — кантенар... мус и генералиссим... мус. Хохоту, конечно, не было предела.

Другой случай был на письменном испытании в юнкерской столовой под навесом. Давалось

два вопроса и считалось достаточным, если кто ответит на один вопрос. Если же юнкер вздумает заглянуть к соседу или в книгу, то за «шпионство» получал неудовлетворительный балл. Юнкер, не ответивший на два вопроса, должен был написать «сдаюсь на капитуляцию» и тогда, ответив на третий вопрос, получал хороший балл. Во все время письменной работы полковник Мастыко повторял эти правила, добавляя иногда: «ворона каркает и, наоборот, прохой балл кому-нибудь накакает!». При изучении всевозможных ведомостей о довольствии он, к всеобщему удивлению, объяснил, как получается такая-то графа, а именно, скомандовал: «Продукты стройся влево, шагом марш! вот вам получится и эта графа». (В Югославии был полковник Мастыко, но мы не знаем, он ли это?). В мирное время Администрацию читал полковник Салтыко-Петрищев, по прозвищу «мон шер», умерший в Югославии.

Закон Божий преподавал священник Потехин («капитан Потехин» — прозвище) и при нем — прекрасный бас — дьякон; военную историю читал полковник Никольский (впоследствии начальник штаба Отдельного корпуса жандармов при генерале Джуиковском); преподавателем гигиены был старший врач статский советник Чернявский. Нельзя умолчать о нашем училищном докторе, статском советнике, маленьком, сухоносом старике с бегающими и быстрыми глазками под очками, с растительностью на лице чуть ли не от самых этих глазок, которому еще в незапамятные времена было дано очень меткое прозвище «Макака». Действительно, всем своим обликом и манерами он напоминал обезьянку. Его говор был тоже особенный: «юнкаря», «сидитя там». Кроме того, будучи статским советником, он совершенно не терпел обращения к нему «Ваше Превосходительство!» и юнкера, рискнувшего к нему так обратиться, немедленно и резко обрывал словами: «Сидитя, Ваше Сиятельство!» Но самым замечательным было то, что он не только никогда не смеялся, но и не переносил нашего смеха и улыбок, причем сам, в то же время, старался нас рассмешить. Его лекции и репетиции были, собственно, экзаменом на нашу выдержку и самообладание. Вот, например, на лекции, рассказывая о плевре, он прибавляет: «некоторые юнкера смешивают ее с бардашным танцем ойрой...» и тотчас его быстрые глазки подозрительно обегают лица всех юнкеров и горе тому, кто не удержался и фыркнул, неудовлетворительный балл ему обеспечен. Тем же, кто, не моргнув глазом, слушал его с каменным лицом, он ставил 10, 11 и даже все 12 баллов. Про него ходила легенда, что несколько лет тому назад (причем точно указывались дата и даже час) он, придя домой и увидев повешен-

ные на окне новые занавески, улыбнулся... Это была его последняя улыбка и с тех пор он никогда не улыбался». (Воспоминания юнкера выпуска 1-го октября 1915 года). А вот и запись мирного времени, выпуска 1910 года, автор которой умер в Германии: «Мы как-то задали вопрос доктору Чернявскому на уроке гигиены: «Правда ли, что свежий хлеб нельзя есть, он, будто бы, вреден?». Ответ был: «Хлеб вреден, что яго много заедают». Пришел на экзамен и тасует билеты; наше внимание, конечно, все устремлено на те неизвестные нам карточки, которые будут решать наши ответы. Он говорит: «Что-то тихо сядите, плохая примета». (Так как на уроках обыкновенно шутили и говорили на разные темы).

При посещении нашего лагерного лазарета, Великий Князь Константин Константинович сказал доктору Чернявскому, что здание плохо выглядит. На это он ответил: «Что же Вы, Ваше Императорское Высочество, хотите, чтобы здание, намазанное г... блестело?». Полковник Попов, гроза юнкеров в военное время, зашел в лазарет зачем-то. Дежурный по лазарету растерялся и скомандовал: «Встать, смирно!», на что все больные вскочили и вытянулись. Полковник Попов сказал: «Здравствуйте, господа!» на что больные юнкера ответили громогласно: «Здравия желаем, Ваше Высочество!». В этот момент послышался голос доктора Чернявского: «Какая там ж... здороваются здесь с больными?» и затем, уже приблизившись к полковнику Попову, сказал, что никто не имеет права здороваться с больными в лазарете. «Забирайте их и здоровайтесь у себя». Согласно инструкции, никто не имеет права нарушать покой больных.

В классном коридоре проходил доктор Чернявский и кто-то из юнкеров сказал вполголоса: «Тише, идет макака!». Он остановился и сказал: «Я не «макака», а статский советник доктор Чернявский».

«На экзамене, пишет юнкер выпуска 1-го сентября 1915 года, я вытащил билет о дыхании. Дело было в училищном парке, под соснами, а потому, с помощью других, удалось еще раз прочесть, но каково же было мое изумление, когда он, глядя на меня своими глазками, спрашивает, как происходит пищеварение? (он обыкновенно выслушивал нескольких юнкеров). Я проронил, кажется, два-три слова и замер, как статуя. Глядя на мой младшего портупей-юнкера погоны, он сказал: «Да это начальство! Сядите». Я пошел, получив 10 баллов. Бывали случаи, что «носильщики» или «санитары» юнкера получали по 8-9 баллов, а тот, кто лежал 10, 11 и 12 баллов; лица же медицинского факультета и другие, знающие латинский язык и думавшие показать свои знания, были беспощадно им срезаны».

Все вышесказанное или, вернее, записанное, является истинной былью, а не фантазией. Гигиену и подачу помощи доктор Чернявский прекрасно преподавал, и я думаю, что у него не было недовольных. Он так же, как и полковник Мاستыко, в особо-тяжелых случаях увеличивал свою отметку, дабы поддержать юнкера, попавшего в беду.

Можно смело сказать, что учебное начальство, как и строевое, было выше всех похвал и знало свое дело. Были разные методы, характеры и требования лекторов. Никто из нас не мог делать, что хочет, и вольнодумствовать. Нужно было делать точно то, что они требовали, ибо в противном случае мы подвергались взысканиям. Да и неудивительно! ведь программа по военным предметам не была сокращена; из программы мирного времени были выброшены: Военная история, География и др., но сократить тактику, фортификацию, уставы, топографию нельзя было. Отсюда вытекает, что лекторы, как и юнкера, были перегружены работой в течение 4 месяцев. Критиковать их работу мы не имели никаких оснований. Они дали каждому юному офицеру необходимый запас знаний, а на фронте уже каждый должен был считаться с действительной обстановкой на месте и особенностями неприятеля.

Согласно сведениям воспитанников, можно сказать, что преподаватели выполнили честно и благородно свой долг.

О напряженности занятий в военное время пишет юнкер вып. 1-IX-1915 г.: «В училище служили науке не за страх а за совесть. Наставники старались передать юнкерам в удивительно короткий срок возможно полнее необходимые офицеру знания, и юнкера «грызли гранит науки» не 8-часовым рабочим днем, а 16-часовым. На старшем курсе нам разрешалось вставать за 1-2 часа до пробудки и этим разрешением многие пользовались. Наш выпуск был, насколько помню, в 313 юнкеров, из них только 6 окончили по II разряду. Особую любовь и уважение я сохранил к преподавателю Администрации полковнику Мастыко. Он не только увлекательно вел преподавание своего предмета, но в рассказах и беседах давал нам много указаний, как молодой офицер должен вести себя в обществе и на улице, чтобы не ронять своего достоинства и охранять честь мундира...».

9. ПОРЯДОК ДНЯ.

День начинался с 5 часов 45 минут утра, когда барабан бил повестку. Ровно в 6 часов утра подъем, по которому юнкера «пулей» вскакивали со своих коек, одевались, чистились, умыва-

лись и выстраивались на утренний осмотр, после которого нас строем вели на утренний чай под навес, где стояли столы. Осматривали тщательно: хорошо ли начищены сапоги, пуговицы и бляха пояса, а для того, чтобы проверить, как затянут пояс, под него просовывали палец, который должен был еле-еле проходить; некоторые надували живот в это время, но этот трюк никогда не помогал и не мог ввести в заблуждение наше опытное начальство. После чая, строем же, возвращались в барак, чтобы, надев снаряжение и взяв винтовки, вновь выстроиться для строевых занятий, которые продолжались до завтрака. Ровно в 12 часов дня — завтрак, за ним — лекции до обеда (5 часов) и, наконец, полуторачасовой отдых, во время которого разрешалось лежать на койках (обязательно сняв сапоги). Можно было подготавливаться к репетициям, зубрить уставы, а попавшие «под винтовку» должны были отстаивать свой час. После отдыха опять строевые занятия, вечерний чай в 8 часов и в 9 часов — вечерняя переключка, молитва, гимн и расчет роты (практика командования ротой, по-очередно). В 10 часов вечера гасились лампы (до осени 1909 года было керосиновое освещение) и оставались «ночники»; все, кроме дежурного по роте, должны были спать. У дежурного по роте керосиновая лампа.

«Иногда по вечерам, перед вечерним чаем или поверкой, нас собирали около барака и подавалась команда «на месте, шагом марш!» для изучения песен. Замечательно то, что никаких оправданий в неумении петь, в неимении голоса или слуха, не принималось, петь должны были решительно все и в результате все роты пели превосходно. Вне конкуренции была 3-я рота капитана Кохановского, который был большим любителем пения и сумел организовать прекрасный хор» (юнкер выпуска 1 октября 1915 года). А вот еще и юнкер выпуска 1 сентября 1915 года: «полурота младшего курса (пробыли в училище всего около месяца) 5-ой роты возвращалась в лагерь с занятий, и командир роты капитан Ткачук Григорий Романович приказал начать песню. Не преувеличу, если скажу откровенно, что наверно не было ни одной роты в Императорской Русской Армии, которая не пела бы песен. (Пение является частью физического воспитания). И вот, наша полурота затянула песню. Но нашему командиру не понравилось и он приказал снова начать. Должен сказать, что наш командир знал ноты и имел хороший слух, а посему и был недоволен нашим неправильным пением. Несколько раз мы начинали и прекращали до тех пор, пока терпение его лопнуло и он сказал: «Не могу допустить, чтобы 80 юнкеров не могли хорошо петь. Этого безобразия не допущу. Вы не все поете и не весело. Вы похожи на

людей, у которых на душе что-то печальное и печальные лица». Затем он подошел к одному юнкеру и спросил его: «Почему вы не поете и почему у вас печальный вид?» Юнкер до того перепугался, что не мог сказать ни слова. Тогда капитан Ткачук приказал ему рассмеяться, на что вся наша полурота ответила дружным хохотом. Только один юнкер не смеялся. Капитан Ткачук сказал, что первый раз в жизни видит человека, который не может засмеяться, тогда как вся полурота продолжала хохотать. После этого наша полурота опять запела и получила благодарности за хорошее исполнение.

Пели мы всевозможные песни: «Бородино», «Два великана», «Из-за горы едут мазуры», «Из-за леса копий и мечей едет сотня казаков-усачей», «Разбойники» и любимую песню командира 4-ой роты капитана Бирюкова: «У зори, у зореньки много ясных звезд, а у темной ноченьки им и счета нет». Эта последняя пелась и в мирное время, согласно сведениям, данным юнкером выпуска 1910 года. В мирное же время, по сведениям юнкеров 1909 и 1910 годов выпуска, славился хор капитана Тулаева, командира 2-й роты. Он же был регентом хора училищной церкви. Помощник его, юнкер выпуска 1910 года, пишет, что состав хора был в 90 юнкеров («жеребцов»), дававших при выступлении на инвалидном концерте в Москве «форте». А когда в церкви пели «пиано» херувимскую, то слышно было, как муха пролетала. Это было, действительно, «пиано», которого достигал капитан Тулаев. При мне были Полтавские торжества, где опять же наш хор выступал с оркестром Александровского Военного Училища. На инвалидном концерте хор выступал в здании Оперы около 19 февраля. В гарнизонном собрании мы исполняли совместно с хором и оркестром: «Горит восток зарею новой» и т. д., не помню какого композитора».

10. КАРАУЛЬНАЯ СЛУЖБА.

В мирное время училище несло службу на зимних квартирах, особенно в годы 1904-1905 (в церкви были доски и с именами в крамоле убитых), но об этом у нас нет данных, а в военное время, осенью 1914 года, несло караульную службу при посещении Москвы Государем Императором Николаем II-м. В лагере же служба носилась небольшая, а именно, в виде переднего и заднего караулов (у знамени и порохового погреба). В караул назначались 3 юнкера часовыми и младший потриуей-юнкер караульным начальником и разводящим (ефрейторский караул). Тот же состав и для заднего караула, но там караул не вызывался «вой», как на пе-

реднем. При приближении начальника училища или дежурного офицера по училищу, часовой кричал: «Караул, вон!» Караул «пулей» строился перед знаменем развернутым фронтом 4 часовых и своего караульного начальника, брал «на-караул», а затем караульный начальник брал «к ноге», шел навстречу начальнику и в двух шагах перед ним останавливался, брал «на-караул» и рапортовал: «Ваше Превосходительство! В карауле Его Императорского Величества при лагере Алексеевского военного училища на посту состоит: юнкеров 3, портупей-юнкеров один. В карауле и на посту до сего времени происшествий никаких не случилось». Затем шаг в сторону для пропуска начальника, который громко говорил: «Здравствуйте, господа!». «Здравия желаем, Ваше Превосходительство!». «Спасибо за службу, господа!». «Рады стараться, Ваше Превосходительство!».

Затем Начальник училища расписывался в поставой ведомости, что нашел все в порядке. После 9 часов никаких команд не подавалось.

В пороховом погребе хранились боевые патроны для винтовок и револьверов. На зимних квартирах знамя стояло на квартире Начальника училища.

«Для практики, мы занимали городские караулы. Наша рота была в карауле Государственного Банка и, в случае тревоги, я должен был бежать к наружному входу и никого через него ни впускать, ни выпускать. Стоял я часовым у банковской кассы. Приезжал посмотреть караул Помощник Главного Начальника Военно-учебных заведений генерал Лайминг, носивший нашу училищную форму. Както мы были приглашены на вечер в собрание 4-го гренадерского Несвижского полка, которым прежде командовал наш Начальник училища генерал Горбатовский. Было нас 8 юнкеров и под утро полк отправил нас домой на своих лошадях. Последствия были самые неожиданные — через несколько дней роту выстроили в отпускных мундирах. Оказывается Начальник училища, бывший тогда у несвижцев, заметил, что полы мундиров некоторых юнкеров были короче положенных по форме. Такие были измерены и приказано всем «укоротившим» их — снова удлинить. Наш портной, их «укорачивавший», дважды заработал. Наказания на нас никакого наложено не было». (Из воспом. юнкера выпуска 1908 г.)

11. СТРЕЛЬБА ИЗ ВИНТОВОК.

Обучение стрельбе из винтовок было поставлено настолько образцово, что стрельба мирного времени всегда почти превосходила

стрельбу Александровского и Тверского училищ. Вот, что пишет юнкер выпуска 1-го октября 1914 года: «Муштровка была поставлена отлично. Шли соревнования с «Александронами», и мы их били, как по строю, так и по стрельбе. С состязательных стрельб училище ряд лет возвращалось к себе в лагерь с их оркестром. Из нас получились хорошие стрелки». Юнкер выпуска 1908 года: «В мое время стрельба у нас была лучше, чем у Александровцев». Юнкер выпуска 12 июля 1914 года: «Состязания в стрельбе между Александровским, Тверским и нами и, как всегда, триумфальное возвращение в лагерь с оркестром Александровского военного училища, призами и бунчуком». Юнкер 1-го декабря 1914 г. пишет: «В первый день мы стреляли стоя, с колена и лежа по неподвижным мишеням, конечно, разных размеров и на различные дистанции; второй день — лежа по движущимся мишеням и третий день — по внезапно появляющимся мишеням, изображающим пехоту и атакующую кавалерию. Как всегда, рота Цесаревича шла по стрельбе впереди, редко кто из наших юнкеров попадал не все пять пуль. Полезные и похвальные традиции крепко держались и при нас, пробывших еще только два месяца в училище»: Юнкер выпуска 1909 года из Югославии: «На стрельбу водили довольно далеко по Ходынке, где я любил сидеть в блиндаже «махальщиком» (показывал промахи и попадания); мне очень нравилось, когда пули «жужжали» над головой».

Было обучение и стрельбе из револьверов системы «Наган» в большие круглые призовые мишени. Начиналась стрельба по сигналу горниста «Заряди, наведи, попади!». Лучшим стрелком, без всякого преувеличения, был капитан Ткачук, бывший юнкер нашего училища, падавший (из нагана на 25 шагов в спичечную коробку).

Никаких призов и соревнований с другими частями в военное время не было. Во время двухсторонних маневров юнкера получали холостые патроны, из которых палили, особенно ночью, во всю, и прекратить огонь представляло большое затруднение для начальства. Страсти доходили до крайнего предела. Каждая сторона считала себя победительницей.

12. ВЕРХОВАЯ ЕЗДА.

В военное время в училище было от 16 до 18 верховых лошадей для обучения юнкеров верховой езде. В мирное время были штабс-ротмистры Ознобишин и Карнович, а в военное время — поручик Кузьмин (Гвардейского запасного кавалерийского полка). Занятия производились на мягком грунте, так что падения не

имели особых последствий. Лошади были прекрасно откормлены и с радостью, гарцуя на месте, поджидали нас, большинство из которых никогда не ездил верхом. Лошадь это сразу же чувствовала, давая себе полную свободу. Нас рассчитали на первый и второй и, по команде поручика Кузьмина «садись!», первые (уже не помню точно) или вторые номера должны были под-узды выводить свою лошадь вперед, на определенную дистанцию и затем уже садиться. Вот тут-то лошади и делали, что хотели. Мало кто сел в седло, а если и сел, то был немилосердно сброшен избалованными лошадьми, прекрасно чувствовавшими своих седоков. Повсюду слышалось «тпру!» и «ну!», но в то же время был и грозный оклик поручика Кузьмина: «Здесь вам не кучерская езда, а ерховая! Здесь нет ни «тпру» ни «ну!»» Время от времени его длинный хлыст (длинная, тонкая гибкая палка, на которой был прикреплен длинный шнурок) издавал как бы выстрелы, от чего лошади летели еще быстрее... иногда, весьма редко, попадало и по спине юнкера, но это ничуть не сердило, но, наоборот, вызывало смех. Поймать лошадь, которая носилась галопом и бросала задом, было делом нелегким, и конюха часто выводили нас из тяжелого положения. Всего давалось от 10 до 12 уроков за 4 месяца. Мы должны были ознакомиться с самым главным, что было необходимо пехотному офицеру, а, конечно, не офицеру кавалерии... Во время уроков верховой езды поручик Кузьмин всем падающим кричал, что не нужно делать «вращения на пупе». Как было поставлено дело и сколько уроков всего было в мирное время, нам не суждено знать за отсутствием сведений от юнкеров мирного времени. Падали мы, главным образом, не только из-за избалованных лошадей, но и от своей неосторожности, забывая держаться «шлюзами» при исполнении на рыси вольных движений. Стременами не разрешалось пользоваться, равно как и держаться за луку. Нет ничего удивительного, что мы часто копали «редьку», как говорят кавалеристы.

Все же от этой езды осталось хорошее воспоминание и, будучи уже на фронте, в пулеметной команде, сев на маленькую серенькую сибирскую лошадку, я совершенно свободно ехал рысью. Учение не пропало даром. Не кавалерист, но все же мог ездить, не уставая и не портя лошади спину и бока...

Для езды выдавались кавалерийские рейтузы, которые очень нравились юнкерам.

13. ГИМНАСТИКА

Прекрасный манеж имел гимнастический городок, на котором были подвешены и прикре-

плены: канаты, шесты, лестница, турник; к нему прилегал довольно высокая деревянная горка; нужно было уметь на нее взбегать и с нее сбегать. Для некоторых это было очень и очень тяжело, но все же возможно сначала с помощью двух юнкеров, которые буквально втаскивали неумеющего взбежать. Был еще высокий передвижной забор (нет сведений о высоте), на который нужно было влезть с разбега ударом об него правой или левой ноги, одновременно схвативши верхнюю доску забора, а затем уже подтянувшись на руках, перейти в упор на пояс и, перебросив обе ноги и корпус, соскочить на землю (пол манежа был твердый земляной). Этот забор многим и многим не давался легко, за что, конечно, получали «наряды в неочередь» и т. д. Прodelывали вольные движения и на снарядах (параллельные брусья, турник и лошадь с ручками). Прыгали в длину и в высоту.

Скончавшийся в Германии юнкер выпуска 1910 года пишет: «Мне, как окончившему реальное училище, а не кадетский корпус, строевые занятия давались нелегко, особенно манеж с его утренней гимнастикой». Юнкер выпуска 1911 года так описывает: «Ежегодно из выпускных юнкеров 15 лучших гимнастов отправлялось на Высочайший смотр в Царское Село и затем уже производились в офицеры. Самым лучшим гимнастом был юнкер 4-ой роты Сергей Лепевец. Он ходил на руках почти так же, как и на ногах. Юнкера всех военных училищ репетировали программу гимнастических упражнений перед Высочайшим смотром. 15 Алексеевцев (в том числе и я) остановились в Константиновском артиллерийском училище на Дудергофском озере. Я, между прочим, попал под арест у Константиновцев за то, что после вечерней зари катался на лодке Дудергофского озера, и сидел в юнкерском карцере одни сутки». Этого же выпуска другой юнкер пишет: «Тот, кто из юнкеров последующих выпусков заходил в прежнее помещение (рядом с манежем и под лазаретом) мог видеть на стене в рамке призы за гимнастику: Лепевец — 2 приз, Одинокоев Николай — 3 приз». Наконец, юнкера выпуска 1 сентября 1915 года: «Наша полурота, имея во главе своих офицеров, брала этот забор без всяких затруднений... нелегко было с прыжками в длину через лошадь. Нужно было перескочить, ибо в противном случае ожидало наказание «под винтовку» (или, как говорили солдаты, «мушку сушить»).

14. ТАНЦЫ.

Учителем танцев был питатский человек, фамилию которого до сих пор не удалось установить. Занятие было обязательным в мирное

время: три урока в неделю говорят одни, и один — другие. В военное время не было никаких уроков. Самое главное то, что каждый был обязан уметь танцевать. Показать это умение предоставлялось в день училищного праздника 22-го октября старого стиля или же 5-го октября, в день именин нашего Шефа Цесаревича.

Юнкер выпуска 15 июня 1908 года так пишет: «В день Тезоименитства Наследника-Цесаревича-Шефа училища был молебен в церкви училища и парад. Манеж украшался зеленью елок, так что превращался в зимний сад. Устраивалась большая сцена, ставились отрывки из опер. Были очень хорошие артисты из юнкеров. Руководил этим Капитан Горовой (преподаватель химии). Он очень хорошо исполнял арии из разных опер. Фельдфебель 3-й роты старший портупей-юнкер А. Тиминский был прекрасный художник, писал все декорации и сам принимал участие в спектаклях; столовая (впоследствии 5 рота П. Н.), сборный зал (6-ая рота) и все помещения рот были украшены тропическими растениями и всюду были фонтаны из духов и одеколона (парфюмерные фабрики давали их бесплатно для рекламы). На вечерний бал приглашались институтки старших классов из двух Московских институтов, все — в белых передниках. Их приводили классные дамы. В стенах же училища им предоставлялась полная свобода — танцевали далеко за полночь. Было, конечно, и обильное угощение. Играл военный оркестр какого-то полка. Манеж представлял зимний сад, аллеи имели скамейки, диванчики... По окончании спектакля и концерта, манеж и ротные помещения служили местом гулянья юнкеров с институтками. По окончании торжества институтки под командой своих классных дам уезжали домой. Видно было, как не хотелось им уезжать».

Юнкер выпуска 12 июля 1914 года так скромно описывает: «Учение и муштровка скрашивались балами вне училища и нашим годовым балом, когда танцевали в зале (столовой) и манеже и классы превращались в буфет и сады. Приглашенные получали программу в виде нашего погона и брелок «погончик».

В военное время тоже был бал, но не могу точно сказать, в 1915 или же в 1916 году, на зимних квартирах. Память изменяет. Были также приглашенные и манеж представлял зимний сад.

15. ОТПУСКА.

«Темно и скучно на линейке
И лагерь юнкеров уж спит,
А на передней на «Ходынке»
В «Кукушке» музыка гремит».
(Отрывок юнкерской песни).

По средам, субботам и воскресеньям юнкера

отпускались в «отпуск» после занятий. Юнкер выпуска 1 октября 1915 года так пишет: «по окончании присяги и парада нас в первый раз отпустили в отпуск, но далеко не всех, а только тех, кто в достаточной степени постиг премудрость отдания чести. Веселые и подтянутые (всего лишь 14 дней, как в училище поступили) появились мы на улицах Москвы, гордые своим мундиром и честью называться юнкерами славного Алексеевского военного училища». А вот юнкер выпуска 1 октября 1914 года: «День Тезоименитства нашего Державного Шефа Великого Князя Алексея Николаевича 5 октября 1913 года был нашим праздником. Было принесение присяги, парад и первый отпуск для «козерогов» в киверах. Прогуливаясь по Москве, чувствовал себя весьма напряженно и даже смущенно, так как был предметом внимания всех».

Все юнкера отпускались до 9 часов вечера, младшие и старшие портупей-юнкера до 10 часов ночи. Затем, у кого были родные могли оставаться с ночевкой от обеда субботы до вечера воскресенья. Все уходящие в отпуск списывались с довольствия. Никогда никому ничего не оставлялось из еды. Юнкер выпуска 1909 года пишет: «Певчие и музыканты ходили по средам в отпуск до 12 часов ночи; по субботам, после вечерней службы, до 12 часов ночи и в воскресенье после литургии до 12 часов ночи. Певчие и музыканты часто получали бесплатно билеты в Большой и Малый Московские театры. Католики ходили строем в костел. Магометане во время праздника Байрама днем ничего не ели, а вечером в столовой им давали усиленный обед.

Юнкер выпуска 12 июля 1914 года пишет: «Во время отпуска ходили танцевать в «Кукушку», гарнизонное собрание Гренадерского корпуса. Наши дамы нас разбили на «ромашки», «маки» и «васильки», согласно цвету наших погон (Алексеевец — красный погон «мак», Александровец — белый — ромашка» и Тверец — синий — «василек»).

Юнкер выпуска 1908 года пишет: «наши первые отпуска отличались тем, что по выходе юнкеров из училища, вслед за ними выезжали в экипажах командиры рот, батальона и даже начальник училища. Кто прозеваает отдать честь или стать во фронт, возвращался обратно в училище и отпуск пропал. При мне начальником училища был генерал-майор Горбатовский — герой Порт-Артура и Великой войны 1914-17 гг. (командовал армией).

16. КОМАНДА СОЛДАТ.

Невозможно определить количество солдат, служителей и другого персонала, не имея под

рукой официальных данных. Все же можно сказать, что их было не менее 50-60 человек. Работа их была самая разнообразная. Они мыли и натирали полы, особенно церкви и паркетного зала, до изумительного блеска, зажигали керосиновые лампы (керосиновое освещение было до осени 1909 года), носили инструменты, цспи и веки на съемках в мирное время, чистили, кормили и поили 18 лошадей, мыли, убирали и разносили тарелки, суповые миски, помогали на кухне готовить и варить чай. Некоторые из них за маленькую плату чистили юнкерам сапоги, одежду и металлические пуговицы, чинили обмундирование и, кроме того, наверно, были денщиками у штатных офицеров... Словом, с 5 часов 45 минут утра они так же вертелись, как и юнкера. Доносили ли они на нас или нет, нельзя ничего сказать, ибо нет никаких оснований упрекать их в этом, но вот один случай не могу не описать. На кухне начало пропадать мясо. Дежурный по кухне юнкер стал строго следить за привозом мяса, взвешиванием его и наблюдал, как делались котлеты. Все же мясо исчезало бесследно долгое время и никогда никто не мог предполагать, что это дело повара. Он так ловко и быстро делал котлеты, что никто не мог допустить, чтобы котлеты исчезали на глазах... Его накрыли... Под столом было подвешено решето для просеивания муки, в которой он всегда валял котлеты; все всегда видели это решето, но никто не думал, что первоклассный жонглер-фокусник — это повар, ловко иногда бросавший туда котлеты. За воровство Начальник училища выгнал его вон. За него вступился капитан Ткачук, прося Начальника училища пощадить повара, у которого много детей, и убеждая, что только невозможность прокормить семейство толкает его на воровство. В конце концов генерал Хамин отменил свое наказание, и повар остался на своем месте, конечно, уже прекратив свое прежнее жонглирование котлетами.

Наш каптенармус давал нам (сверх положенного) носки, нижнее белье и т. д. за маленькое вознаграждение, конечно — неофициально. Если мне память не изменяет, его фамилия была Какошкин.

Носили они все на погонах трафарет училища, с короной. Словом, работы у них при наличии 1.200 юнкеров было, надо полагать, не мало. Юнкер выпуска 1909 года из Югославии пишет: «До осени 1909 года в училище было керосиновое освещение, лампы зажигал пожилой человек, Андрей Иванович, (бывший барабанщик училища), и мы в шутку при его появлении хором говорили: «Андрей Ивановичу — сорок одно с кисточкой!» (это московское приказчиье приветствие людям ниже своего достоинства), на что он очень охотно отвечал: «с краешенькой, хэ, хэ, хэ!...» Если же кто-нибудь ему

вслед говорил «поджигатель!», то он обижался и что-то бормотал себе под нос.

17. ПОСЕЩЕНИЕ УЧИЛИЩА ФРАНЦУЗСКИМ ГЕНЕРАЛОМ Д'АМАДОМ В 1915 ГОДУ.

«Как то в училище», пишет юнкер выпуска 1 октября 1915 года, «приехал французский генерал д'Амад, прибывший в Россию с какой-то миссией. На нас, юнкеров, он произвел самое убогое впечатление особенно своим видом, мундиром и глубоко-штатскими манерами. Войдя в манеж (это было во время обеда) в сопровождении училищного начальства, он поздоровался с нами «Bonjour, Messieurs», мы дружно ответили ему «Здравия желаем, Ваше Превосходительство!». Затем были вызваны юнкера, владеющие французским языком, с которыми Генерал д'Амад разговаривал. Мы как-то даже не заинтересовались тем, о чем он с ними говорил, и по его отбытии из училища тотчас же его забыли и никогда не вспоминали впоследствии».

Теперь другой юнкер выпуска 1 сентября 1915 года, так описывает: «Юнкера всегда пели громко и ясно, производя внушительное впечатление. Эта сила и могущество были понятии и французским генералом д'Амадом, который посетил наше училище в 1915 году, и я лично видел, как он и Начальник училища смотрели юнкеров во время обеда. Едва французский генерал д'Амад появился на площадке лестницы, ведущей в манеж (из 5-ой роты), как дежурный офицер лихо скомандовал «смирно!». Дежурный офицер отрапортовал ему и тот, пожав руку, сказал «Bonjour, Messieurs». Грянуло могучее юнкерское «Здравия желаем, Ваше Превосходительство!». Нужно сказать, что еще за несколько дней до посещения были проделаны репетиции здоровья и начальство просило юнкеров постараться с могучим ответом. За свое пребывание в училище я часто слышал такой мощный ответ, когда стекла манежа буквально дрожали... На этот раз ответ был еще сильнее. После сигнала горниста, юнкера спели молитву: «Очи всех на Тя, Господи, уповают». Снова могущественная молитва из 1.200 юнкерских грудей. Такого величественного момента я нигде не видел и не переживал. Юнкера, по команде «Садитесь!», сели, как один и начали обдаться, а французский генерал попробовал юнкерский обед (проба была поставлена для него в особых судках). Снова сигнал и молитва: «Благодарим Тя, Христе Боже наш». Генерал д'Амад сказал по-французски несколько фраз, сердечно признал нашу русскую мощь (генерал Хамин быстро переводил на русский язык), о чем он и передаст своей Франции... В ответ,

по жесту Начальника училища, юнкера грянули могучее русское «ура!», которое долго гремело, пока не ушел французский генерал.

За время пребывания в училище я имел честь быть два раза Дежурным офицером по училищу и здороваться с 1.200 юнкерами (8 рот). А мне, ведь, было всего 18 лет».

18. ВЫСТУПЛЕНИЕ В ЛАГЕРЬ.

Перед выступлением в лагерь на Ходынку мы были построены на плацу училища, и был отслужен молебен. Затем, под звуки духового оркестра (в мирное время — 12-го гренадерского Астраханского полка или же Александровского военного училища, который состоял также из солдат для обслуживания двух военных училищ) двинулись походным порядком из Лефортово на Ходынку — «Серебряный Бор» — через всю Москву. На мне было все снаряжение, скатка и винтовка без штыка (штыки все были отправлены в действующую армию). Нелегко было первый раз в жизни делать такой большой (12-13 верст) переход, тем более имея очень маленькую подготовку, но горячее желание быть офицером облегчало все. Винтовки несли по городу «на плечо», а за городом — «на ремень» и пели по дороге песни. Никогда не забуду, как мы, выходя со двора училища в образцовом порядке в колонне «по отделениям», поравнялись с санитарным вагоном трамвая, в котором сидели и стояли раненые пленные австрийцы. По их лицам было видно, что они в первый раз видят такое богатырское русское воинство. Начальство еще заранее просило, чтобы юнкера постарались во всю, в особенности при проходе через Москву. Всякая просьба начальника равносильна приказанию, а потому у каждого было чувство радости и военной гордости.

На привале можно было поправить снаряжение, покурить и оправиться. Москва нас видела в этот день во всей славе и красоте. И неудивительно, ибо шло будущее офицерство. Сколько времени продолжался поход, уже не помню, да это и неважно. Придя в лагерь на Ходынку, и проходя мимо других частей, мы слышали неизменный марш Военно-Учебных Заведений. В Императорской Русской Армии был прекрасный обычай (традиция), а именно: каждая часть (например — полк), проходя мимо другой части, играл полковой марш этой части. Это было взаимное воинское приветствие. В лагере все наши 5 рот расположились в бараках (бревенчатых), а также и в бараках Тверского кавалерийского училища, которое в военное время не приходило в лагерь на Ходынку. В мирное время они приходили походным по-

рядком с хором трубачей из Твери. Наше училище их встречало в разомкнутом строю, и Тверцы, спешившись, входили в ряды Александревцев. Затем, все строем шли в столовую (навесный крытый, со столами и скамейками), где их угощали обедом, во время которого играл их хор трубачей. Начальство их также обедало с нашим начальством. Дружба с Тверцами была безграничная... С юнкерами же Александровского военного училища, «Александронами», (они нас называли «Алексепуны»), жили не дружно. Не знаю почему, но это так сложилось...

В этот день, то есть с 13 на 14 мая, я спал, как убитый... На утро я увидел, что «моя жена»-винтовка (или, как солдаты в шутку называли «вторая жена») была вся белая. Ночью был страшный холод и сталь винтовки покрылась инеем. Барак, хотя и был бревенчатый, но холод стоял дьявольский, хотя и было 14 мая старого стиля. Пришлось, прежде всего, вычистить и смазать винтовку, дабы она не покрылась ржавчиной.

А вот еще маленький эпизод, записанный юнкером выпуска 1 октября 1915 года: «о возвращении из лагеря в Москву на зимние квартиры в конце августа в полном боевом снаряжении, с винтовкой «на плечо», имея всего только две остановки, минут по десять, чтобы оправиться и покурить, стоя вольно и не выходя из рядов. Забавно то, что во время остановки на одной из улиц Москвы, бабы-торговки и еще какие-то женщины в платках, думая, что нас «таких молодых» гонят на фронт, начали совать в руки булки, колбасу, папиросы, яблоки и другую подобную снедь и мы благодарили и принимали все это, не желая обидеть их, их порыва от чистого сердца, своим отказом. За переход из лагеря получили редкую благодарность командира батальона полковника Попова за блестящий переход.

Прекрасное описание лагеря дает юнкер выпуска 1 октября 1915 года и другие мирного времени: «Лагерь училища был расположен недалеко от села Покровское-Стрешнево (имения княгини Глебовой-Юрьевой-Стрешневой в десяти минутах ходьбы от лагеря) в сосновом лесу «Серебряный Бор» следующим образом: вдоль передней линейки, параллельно ей, стояло в два ряда восемь светлых больших (без потолков) барачных на высоком фундаменте, каждый на полуроту; сзади — восемь меньших барачных — умывалки. На правом фланге, перпендикулярно передней линейке, в особой крытой стойке помещалось знамя в чехле, позади него палатка для переднего караула и большие чашы, установленные на деревянной тумбе. Перед

этими часами, спиной к комнате дежурного офицера с открытой верандой, ежедневно выстраивались стоящие «под винтовкой», число которых часто доходило до хорошего взвода. Позади дежурной комнаты помещение юнкерской чайной и лавочка, представлявшая собой деревянный киоск, с трех сторон окруженный простой верандой со стоящими на ней столиками для чаепития. Сбоку чайной находилась площадка с гимнастическими снарядами: лошадь с ручками, турником, кольцами, горкой и т. д. Сооружения для полевой гимнастики — заборы, ямы, столбы, бревна — находились на краю лагерного расположения, за баракком 5-ой роты; там же были блиндажи для практических занятий по фортификации. За ротными бараками, в глубине, был большой навес без стен, служивший лагерьной столовой, за ним разные хозяйственные постройки: кухня, цейгаузы, пороховой погреб (задний караул), помещения для прислуги и, наконец, запретная зона — офицерские дачи и флигеля, в расположении которых юнкерам появляться строжайше запрещалось. Весь наш лагерь был расположен на опушке чудного леса с громадными вековыми деревьями, продолжением которого являлся знаменитый «Серебряный Бор». Перед передней линейкой открывался вид на нескончаемое поле, прямо находилось стрельбище, а несколько влево были видны мачты искрового телеграфа и тыл Гренадерских лагерей. «Серебряный Бор» и окрестности станции Покровское-Стрешнево были наводнены дачницами, по большей части семьями офицеров Гренадерских полков и Гренадерской артиллерийской бригады, мужья и отцы которых были на фронте и, как военные дамы, они охотно вели знакомство с юнкерами. На этих дачах большинство из нас проводили свои отпускные часы, предпочитая красоту природы, а, главное, милое дамское общество, пыльной и душевной в это время Москве.

Рядом с нашим училищем, через канавку, находился лагерь Тверского кавалерийского училища. Юнкер выпуска 1909 года, из Югославии, добавляет: »Далеко от нас на Ходынском поле был лагерь 3-ей Гренадерской дивизии, 1-го Донского казачьего полка, 1-ой Гренадерской артиллерийской бригады, Саперного батальона и др. Артиллерийский полигон был далеко от Москвы. В тихую погоду мы слышали, как эти полки вечером играли сигналы на всернюю молитву и пели положенные молитвы. Горнист на нашей линейке играл зарю и Дежурный офицер командовал нам «На молитву шапки долой!», пели «Отче наш» и «Спаси Господи люди Твоя» и гимн. На зимних же квартирах, наша 5-ая рота, после двух молитв, без команды поворачивалась направо в направлении большого, во весь рост, портрета Государя Императора и села «Боже, Царя храни!»; по

окончании гимна, также без команды, рота поворачивалась налево и уже после подавалась команда «разойтись!».

.....

Съемки полу-инструментальные и военно-глазомерные.

В мирное время юнкера обучались полу-инструментальной съемке, им давались все необходимые инструменты для ее выполнения: треноги для установления мензулы, дальномер Сущее, цепи, веши с пучками, доски-планшеты, компасы, линейки и т. д. В военное же время все было упрощено и для нанесения на бумагу местности условными знаками топографии никаких специальных инструментов не было. Все делалось на-глаз, но с промером данного участка. Особенно хорошо нужно было чертить топографические знаки при нанесении местности на бумагу (на зимних квартирах съемки производились в окрестностях Москвы). Юнкер выпуска 1 октября 1915 года пишет: «Последняя неделя перед уходом из лагеря была посвящена съемкам, для чего мы были разбиты на партии. Нам были выданы необходимые предметы: доски-планшеты с приеинчивающей ножкой, компас, бумага, линейка, карандаши, резинки и т. д. Измерялись расстояния на участке шагами. Даны были соответствующие задания и мы, после утреннего чая, взяв булку с двумя котлетами, группами отправились на свои участки для съемки. Те, которые работали быстро, имели полную возможность выспаться где-нибудь под кустом. Некоторые, совершенно неспособные или ленивые, просто-напросто сидели у своих товарищей. Многим попадали участки, в которые входили какие-нибудь села или деревни. Им было полное раздолье, забиралась в любую избу, пили вдвоем молока и, конечно, спали, выставив, обыкновенно, дозорного на случай внезапного появления кого-нибудь из офицеров. Одной группе моей роты достался участок, в который входило историческое село Тушино.

Бывали случаи, когда юнкера, под видом приказа снять на бумагу ту или иную дачу с земель, измеряли (конечно, с разрешения хозяев) все, что было около дачи. Даже просили сказать фамилию растроганных дачников и дачниц. Таким образом приобреталось новое знакомство. Все это делалось с максимальной воинской вежливостью и, конечно, с большой сесторожностью, дабы начальство не накрыло.

Юнкер выпуска 1909 года пишет из Югославии: «Здесь были и Тверские юнкера-кавалеристы, с которыми любившие выпить и закупать собирались по несколько человек и покупали у разносчиков разные закуски и водку,

но очень осторожно, так как помощник Инспектора классов полковник Свенцицкий часто объезжал верхом и проверял наши работы, а работы по съемкам старшего курса проверял кто-нибудь из преподавателей Генерального Штаба, так как это были тактические задачи.»

Строевой и полевой уставы теоретически и практически проходили в 4 месяца и ходили для практики обучать солдат запасного полка. Несмотря на короткий срок, юнкера усваивали все, что нужно было знать молодому офицеру на первых порах своей службы. Справедливость требует отметить, что глубоко и всесторонне продуманная программа нашего обучения и блестяще проведенная в жизнь система этого обучения и воспитания (физического и духовного), превращали в короткий срок, всего лишь в 4 месяца, нас, большей частью совершенно невоенных людей, не только по своему виду, но и по духу, в молодых офицеров, правда — далеких, конечно, до идеала, но подтянутых и вымуштрованных физически и снабженных самым необходимым комплектом тех элементарных знаний, каковые были нам необходимы на первых шагах самостоятельной службы. Безусловно, этих знаний и обучения было недостаточно, но ведь и молодые офицеры, оканчивающие училище в мирное время, прибыв в полк, на первых порах чувствовали себя далеко неуверенными и во многом даже зависели от своих унтер-офицеров и, особенно, от фельдфебеля. Дочуваться и совершенствоваться нам предоставлялось прямо на фронте, для которого нас, собственно, и готовили, и можно с уверенностью сказать, что прапорщичьи армейской пехоты военного времени блестяще оправдали себя и с честью выдержали «экзамен». Начав со стойки, отдания чести, ружейных приемов и т. д., к концу лагеря уже проходили ротные и батальонные учения. 30 июля 1915 года, в день рождения нашего Шефа Наследника Цесаревича батальон юнкеров принял участие в состоявшемся на Ходынском поле параде всех частей лагерного сбора и мы были искренно убеждены (на самом деле оно так и было), что прошли лучше всех и уж, конечно, лучше наших соперников, юнкеров Александровского военного училища. Нельзя не пожалеть, что до сих пор нельзя получить сведений о блестящих парадах училища в присутствии Государя Императора Николая Второго в Москве и участии юнкеров старшего курса в караульной службе в Московских дворцах. Училище проходило поротно, развернутым фронтом и удостаивалось Высочайшей благодарности. Юнкер 13-месячного выпуска 1 октября 1914 года пишет: «От августа 1914 года живое воспоминание в связи

с приездом в Москву Государя с Семейей. Караул на Кремлевской гауптвахте, два раза почетный караул в Кремлевском дворце. Через день в наряд, мой пост парный портупей-юнкерский в Георгиевском зале, у дверей в Владимирский. Затем проводы Государя. Во время войны я Его видел еще раз на Западном фронте, в декабре 1915 года, когда Он вызвал к Себе Георгиевских кавалеров и сказал через них всей Армии: «Не положу оружия!». В это время я уже имел орден Св. Георгия».

19. ПОСЕЩЕНИЕ УЧИЛИЩА ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМ КОНСТАНТИНОМ КОНСТАНТИНОВИЧЕМ

Великий Князь в мирное время часто посещал военные училища и кадетские корпуса. В военное время (умер он в июне 1915 года) не было посещений нашего училища. К великому сторчению до настоящего времени есть только несколько строчек юнкера выпуска 1 октября 1914 года: «Меня Великий Князь спросил, откуда я? — Из Смоленска. «А знаешь ли ты, что такое Смоленские рожки?» Я не знал и смутился. «Это тот бугор, на котором стоит Собор» объяснял он. «Кто твой отец?» — Зауряд-прапорщик 2-го пехотного Софийского полка. «А-а! Продолжай карьеру своего отца».

Юнкер выпуска 1908 года пишет: «Великий Князь при своем посещении училища в 1907 г. разговаривал со мною. Я еще был на младшем курсе и находился в строю роты Его Высочества (8-м с правого фланга), а он стоял против меня и был выше меня на целую голову».

От других здравствующих однокашников пока нет никаких сведений об этом Великом Воспитателе.

20. ПОСЕЩЕНИЕ ГОСУДАРЕМ ИМПЕРАТОРОМ НИКОЛАЕМ 2-м МОСКВЫ В АВГУСТЕ 1914 г.

Юнкер выпуска 1 декабря 1914 года (четырёхмесячного курса) пишет: «Вдруг вечером 3-го августа по роте Его Высочества пронеслось известие, что Государь со Своей Семейей приезжает в Москву и, вероятно, посетит с Наследником, нашим Шефом, училище, а 6-го августа будет в Кремле парад и наше училище будет участвовать, но, увы, только старшие юнкера (курсы). Мы, конечно, этому не удивились, ибо винтовку мы даже не брали в руки. Но случилось все иначе. На другой день, после обеда, нам приказано было построиться на училищном плацу. Начальник училища сообщил нам по-

трясущую наши души новость. Государь Император приказал молодым юнкерам участвовать в параде, но только без винтовок. — Я уверен, что вы сумеете поддержать блестяще репутацию нашего родного училища и пройдете перед Государем и своим Шефом-Цесаревичем прекрасно. — молодые глотки с удвоенным азартом прокричали своему генералу «Рады стараться. Ваше Превосходительство!». Трудно было найти более старательных юнкеров, чем были мы, молодые Алексеевцы. К концу второго дня выяснилось, что мы очень неплохо проходим «по отделениям» и хорошо держим равнение, Усталости мы не чувствовали, все наши мысли были заняты одним только, — что завтра мы увидим Государя и Его Семью и об этой исключительной радости напишем своим родным. Ведь так редко удавалось увидеть Государя, да еще рядом, и даже слышать Его голос.

Этот предстоящий Высочайший парад как-то сразу объединил нас всех, съехавшихся со всех концов необъятной России, создал приподнятое, радостное настроение и сознание гордости, что мы теперь принадлежим к великой Российской Армии. Еще днем нам выдали новые мундиры, шаровары и сапоги, а с вечера началась чистка до блеска пуговиц, блях на поясе и сапог. Утром 6-го августа мы были разбужены, как обычно, без четверти шесть, погода была прекрасная. Умывание и одевание прошли быстро, осмотр был тщательный. Через час все училище было на плацу и мы в первый раз под музыку прошли церемониальным маршем перед Начальником училища, сначала «по-взводно», потом «по-отделениям». Так повторили несколько раз и, наконец, двинулись на парад, в Кремль. Впереди развевалось знамя, гремел оркестр и шли все восемь взводов от четырех рот старшего курса, а мы, «козероги», как нас принято было называть, хоть и без винтовок, маршировали за своими старшими с гордо поднятыми головами, ибо шли мы к своему Государю и своему Шефу Цесаревичу.

Гремел оркестр, народ останавливался и провожал нас дружескими взглядами, а мальчишки бежали с боков и восторгом зависти горели их глаза. Перед Кремлем, на Красной Площади и прилегающих улицах, мы встретили сплошные толпы народа, жаждавшие увидеть Государя и Его Семью. В Кремле нас построили перед дворцом, правее стояло Александровское военное училище, а левее — взвод Тверского кавалерийского училища. Короткий отдых дал нам возможность осмотреться и я, лично, был ошеломлен впечатлениями и переживаниями. Для провинциала, недавнего гимназиста и еще более недавнего студента из города Казани, это было слишком много! Я впервые был в Кремле, этой колыбели Московской Ру-

си. Меня окружали исторические храмы, памятники и здания, здесь творилась история создания Великого Российского Государства. Мы все волновались от всего виденного и от предстоящего Высочайшего парада.

«Кто видел в жизни только раз
Сиянье кротких Царских глаз,
Тому и гек не позабыть
И тех очей не разлюбить.»

С. Бехтеев.

Время ожидания проходит незаметно, но вот открываются высокие двери дворца, раздается несколько громких команд, мы замираем, а старшие юнкера берут «на караул», оркестр гремит встречный марш, гремит и наше восторженное «ура!», Государь со свитой сходит по лестнице дворца. Государыня, Наследник и Царевны смотрят на нас из окон. Обойдя фронт училища, Государь сказал нам краткую речь, но я, к стыду моему, плохо ее помню, мои глаза завлокло слезами, а ласковый взгляд Государя и Его близость к нам создали необъяснимое чувство восторга и желание пожертвовать собой во имя любви и преданности к своему Царю и Родине.

Церемониальный марш, самый трудный для нас момент парада, прошел удачно; проходя «по-отделениям» мы удостоились Царского «Спасибо!». Пройдя дворец, наш младший курс был построен в двух-шереножном разомкнутом строю, на два шага друг от друга, развернутым фронтом. Государь снова обошел и внимательно осмотрел каждого из нас. Причиной этому, как нам говорили, было желание Государя ближе узнать молодых юнкеров, пробывших в училище только неделю и никогда раньше не знавших военного строя. Был даже слух, что будто-бы наш успех на параде решил вопрос о производстве нас в прапорщики через 4 месяца.

Радостные и гордые мы возвращались в училище и не было конца разговорам о Государе, Его Семье и удачном параде. Вечером же нас ждал новый сюрприз: командир роты объявил, что Государь приказал юнкеров старшего курса произвести в подпоручики 1 октября 1914 года, а нас в прапорщики 1 декабря 1914 года. Боже, каким «ура!» была встречена эта новость! Все долго не могли успокоиться, возбужденные этой неожиданностью.

Государь с Семейей на другой день выехал в Петербург.

21. СТАРШИЙ КУРС.

Училище в мирное и в военное время делилось на два курса, или иногда говорили два

класса: старший и младший. Старшему курсу в мирное время оставалось еще один год пробыть в училище, тогда как вновь поступившим — два года. Год начинался 1 сентября и кончался производством в офицеры 6 августа (с 3 августа отпуск для произведенных в офицеры и переходящих на старший курс до 1 сентября). В военное же время при курсе в 4 месяца пребывание на старшем и младшем курсе было неодинаково. Первый ускоренный и в то же время последний выпуск в подпоручики был 1 октября 1914 г., то есть выпуск юнкеров, пробывших в училище 14 месяцев; новые же поступили не 1 сентября, а 1 августа 1914 года. Таким образом, старшие юнкера (14 месячные) пробыли на старшем курсе всего лишь два месяца; вновь поступившие 1 августа 1914 года были произведены в прапорщики 1 декабря 1914 года, то есть, пробыв на старшем курсе тоже два месяца. Затем уже были выпуски 1 февраля 1915 года; вместо 1 апреля был уже пятимесячный выпуск — 1 мая 1915 года; 1 июня 1915 года, 1 сентября 1915 года, 1 октября 1915 года, 1 января 1916 года, 1 февраля 1916 года, 1 мая 1916 года и 1 июня 1916 года были четырехмесячные выпуски; 1 ноября и 1 декабря 1916 года — шестимесячные, ибо предвиделся конец войны. Дальше нет сведений о 1917 году.

Младший курс — «козероги», старший — «Господа старшие», «Подпоручики». Юнкер выпуска 15 июня 1908 года пишет: «Отношения были корректны. каждый юнкер готовился быть офицером и воспитателем солдат, а потому ко всему относился с должным вниманием. Дисциплина была довольно суровая. Старшие юнкера имели право наказывать «козерогов» за всякие упущения и т. д. Самой главной грозой для «козерогов» были портупей-юнкера и фельдфебель. В здании училища или в лагере при встрече с ними горе было тому, кто их прозевал или же плохо отдал честь, спеша иногда «на север» (уборная по-юнкерски называлась «север», ибо выходила на север). Взыскания сыпались всюю. Так они и офицеры постепенно внедряли незримый крепкий дух, который сковал нас всех юнкеров в единую семью Алексеевцев (Московцев).

Разборка вакансий.

В мирное время давались печатные листы, на которых были указаны номера полков, в которых были вакансии. Это были части Гвардейские, Артиллерийские, Инженерные и пехотные. В первую очередь выбирали юнкера с высшим баллом (фельдфебеля и портупей-юнкера). Для получения вакансий в гвардию нужно было согласие офицеров полка (общество офицеров), ввиду чего задолго до производства приезжали в училище гвардейские офицеры и

«разговаривали» с желающими выйти в гвардию. Так было и в военное время. Наш командир роты капитан Ткачук часто, не стесняясь, возмущался этими «разговорами» с юнкерами. «Это лошадиный смотр! Что же я, командир роты, не могу выбрать, кого можно послать в гвардию? Это возмутительно!».

Все с высшим баллом быстро брали вакансии в специальные войска и затем уже оставались пехота. В военное время то же самое, но когда брали в пехоту, то в запасные батальоны, ибо кадровые полки были на фронте. Никто не знал, какой полк пополняет запасный батальон. Вакансии были можно сказать, по всем углам России. Были и именные вакансии, а также, иногда, с оставлением при училище, но заранее никто не знал и поэтому нормально выбирал. Неожиданно следовало предложение Генерала Хамина остаться при училище в помощь курсовым офицерам. Конечно, можно было и отказаться.

Были вакансии и прямо в Действующую Армию, но очень редко. Юнкера-казаки, независимо от балла, выходили в свои казачьи полки и одевали форму своего войска.

22. ПРОИЗВОДСТВО В ОФИЦЕРЫ

«Наконец», пишет юнкер выпуска 1 декабря 1914 года, «настал желанный момент. Мы последний раз выстроены в манеже и Начальник училища объявил нам Высочайший приказ Государя о производстве нас в Прапорщики. Трудно определить скорость, с которой мы переоделись в свое новое офицерское обмундирование. С такой же скоростью выяснили, сколько каждому из нас полагается поверстного срока, то есть во сколько суток мы обязаны явиться к месту назначения и в громадном большинстве успели съездить к родителям и показаться им уже офицерами, получить благословение и отправиться на фронт». А теперь, другой юнкер выпуска 1 октября 1915 года, тоже четырехмесячного, так описывает этот знаменательный момент: «Но вот незаметно подошел и день 1-го октября 1915 года, желанный и долгожданный день. С утра мы все, юнкера старшего курса, одеты во все свое, офицерское: защитного сукна гимнастерки и шаровары, только с юнкерскими погонами. Все казенное обмундирование сдали каптенармусу. Наконец, приказ строиться и нас в последний раз строем юнкеров ведут на молебен в церковь. Краткая церковная служба, нас снова выстраивают перед церковью, появляется Начальник училища Генерал Хамин с Высочайшей телеграммой и поздравляет нас с производством в Прапорщики. Радостное, несмолкаемое «ура!» служит ему ответом, пода-

ется команда, и мы, уже не строем, перегоняя друг друга, весело мчимся в свои роты, чтобы как можно скорее переменить погоны и одеть шашку. Итак, мы — Офицеры Российской Императорской Армии. Как раз 12 часов дня, час завтрака, нам любезно предлагают позавтракать последний раз вместе с юнкерами. Охотно принимаем приглашение, чинно спускаемся в манеж и занимаем свои места. Вот тут-то только начинаешь чувствовать, как дороги нам стены нашей славной школы и как грустно с ней расставаться. После завтрака следует процедура выдачи ротными командирами причитающихся нам денег, получения предписаний и послужных списков, прощание с нашими курсовыми офицерами и, наконец, мы свободны и покидаем училище. По традиции училища первому солдату, который отдаст честь вновь испеченному нашему училища вне стен его, полагалось давать деньги. И, вот, выйдя из училища (нас было человек пять), мы тут же на мосту через Язузу встретили первого солдата, лихо нам козырнувшего. Подозвав его к себе, мы начали давать ему деньги, конечно, к неопишному его удивлению. Получив что-то около тридцать рублей, по тем временам сумму немалую, совершенно не зная за что, он, вероятно, был весьма поражен и долго оглядывался нам вслед».

И, наконец, еще юнкер выпуска 1 сентября 1915 года пишет: «Каждый юнкер перед производством в офицеры должен был, помимо обмундирования, приготовить себе и белье: либо сделать при помощи своих родителей (казна оплачивала), либо купить у поставщиков. Таким образом, все было уже приготовлено и ожидался радостный день производства в офицеры. Этот день я, как и каждый истинный Императорский Русский офицер, никогда не забуду. Перо не может передать все мои чувства, которые я переживал 1-го сентября 1915 года. В этот день так же радовался и солдатский состав училища (каптенармусы, барабанщики, горнисты, повара, служителя, уборщики, швейцар и конюха 18 лошадей, на которых мы изучали верхнюю езду), который вновь испеченные офицеры прекрасно, как всегда, отблагодарили... 1 сентября 1915 года (мне 18 лет и 3 месяца) наш старший курс, одетый уже во все походное офицерское обмундирование, но на плечах только юнкерские погоны, построился на площадке лагеря перед училищным знаменем в каре и ожидал Начальника училища генерала Хамина. Раздалась команда: «Смирно! Господа офицеры!». Генерал Хамин громко крикнул: «Здравствуйте, господа!», на что получил дружное юнкерское в последний раз «Здравия желаем, Ваше Превосходительство!». Затем он развернул бумагу и сказал, что им получена от Государя Императора следую-

щая телеграмма: «Сердечно поздравляю юнкеров старшего курса Алексеевского военного училища с производством в офицеры. Николай». Грянуло могучее русское «ура!» своему Верховному Вождю. Генерал Хамин в течение долгого времени не в силах был остановить наш ответ Государю Императору. Мы были произведены в первый офицерский чин прапорщика армейской пехоты (из школ прапорщиков с трехмесячным обучением выпускались со званием прапорщика запаса армейской пехоты). Генерал Хамин тоже нас поздравил с производством и пожелал много хорошего. Был отслужен молебен и состоялось прощание со знаменем. Генерал Хамин пожимал каждому руку и вручал Высочайший приказ. Полковник Попов тоже пожимал руку и после жаловался, что молодые офицеры очень крепко жмут руку. Затем мы, радостные, с приказом под погоном, «пулей» летели в барак своей 5-ой роты, чтобы снять юнкерские погоны и одеть офицерские. Одна белая серебряная звездочка и красный просвет означают чин прапорщика. Всюду нас, юных офицеров, приветствовали. Особенно же старались нам угодить и услужить солдаты нашего училища (не помню, сколько солдат по штату полагалось училищу для разных служб). Как они прекрасно понимали нашу юную офицерскую психологию, стараясь при каждом удобном случае, великолепно отдавать честь! Сколько радости было на их лицах: «Здравия желаю, Ваше Благородие!», «Так точно, Ваше Благородие!», «Слушаю, Ваше Благородие!» и т. д. Масса извозчиков толпилось около училища и тоже с радостными лицами. «И друг друга мы больше не увидим, не придется нам встретиться вновь!» (отрывок из юнкерской песни при прощании после производства в офицеры).

Посмотрим теперь, что получал от казны вновь испеченный молодой офицер. Полагалось 300 рублей на обмундирование и 100 рублей на покупку шашки, револьвера, бинокля (Цейса) и компаса. Полагалось иметь установленный комплект обязательных вещей: суконную фуражку с козырьком защитного цвета, папаху серого каракуля, шинель солдатского сукна и образца (вместо пуговиц — 4 крючка — Государь Император имел такую-же шинель), непромокаемый плащ, защитный суконный китель-мундир, темно-зеленые диагональные шаровары с красным кантом, защитную суконную гимнастерку и такие же к ней шаровары; две пары галунных погон и две пары суконных погон, двубортную кожаную куртку, шерстяной свитер, две пары сапог (походных и выходных), походное ремненное снаряжение, кожаные перчатки, три пары нижнего белья, носки, полотенца, носовые платки и походный чемодан-кровать. Поставщики всего этого, приглашенные училищем, устраивали целую вы-

ставку своих товаров-образцов в манеже, и мы сами могли выбирать тот или иной материал за ту или иную цену. Если получался недостаток к 300 рублям, мы должны были доплатить, в противном же случае, если получался остаток от этой суммы, он выдавался на руки юнкеру при производстве. Обыкновенно денег всегда хватало и образовывался излишек, который многими расходовался обычно на покупку хороших часов-браслета, нагрудного знака (знаки были золотые, серебряные и бронзовые; золотой стоил 50 рублей, бронзовый — 5 рублей 60 копеек, серебряный — не помню сколько). Золотые и серебряные знаки были без номеров, а бронзовые все были с номерами, и по ним можно приблизительно определить минимальную цифру бывших юнкеров; (так у юнкера выпуска 1-го сентября 1915 года был номер 3.367.П.Н.), портсигара и еще чего-нибудь. Здесь необходимо заметить, что все поставляемые нашими поставщиками товары, действительно, оказались первоклассными, в чем пришлось убедиться уже впоследствии, на фронте, сравнивая полученное в нашем училище, с тем, что было у офицеров других училищ. Особенно хороши оказались наши шинели и сапоги, которым, казалось, и «сносу не было». «Только в Галлиполи, после двух войн, в 1920 году, шинель пришла в негодность» (юнкер выпуска 1 сентября 1915 года).

100 рублей на пашку, револьвер и бинокль (Цейс призматический) и светящийся компас капитана Адрианова (находится в архиве), которые всегда выдавались натурой, удерживались. Шашки были Златоустовского завода, не уступавшие знаменитым немецким «Золинген»; револьвер семи-зарядный (барaban) системы Наган.

Об обмундировании мирного времени нет сведений, но все же можно добавить (мой брат был выпуска 1912 года из Владимирского военного училища), что были мундиры, сюртуки, шинели-пальто, суконные темно-зеленого цвета фуражки с околышем по цвету полка с тульей. Получали большие, окованные сундуки (забыл особое название), в которые складывались все вещи и не было потом никаких складок на обмундировании. Сукно было красивого темно-зеленого цвета и отличного качества. Носились и брюки на-выпуск со штрипками для штиблетов (без шнурков).

Была и папаха серого каракуля.

23. БЛАГОСЛОВЕНИЕ АЛЕКСЕЕВЦЕВ.

Все штатные и прикомандированные к училищу офицеры при отъезде в Действующую Армию, получали маленькую серебряную (раз-

мер 4 на 5 сантиметров) иконку Казанской Божией Матери, которую Начальник училища генерал-лейтенант Хамин вешал на шею отъезжающего на фронт офицера, как благословение Алексеевцев, и вместе с тем благодарил за службу. На одной стороне было изображение Казанской Божией Матери, а на другой: Подпоручику Павлу Александровичу Нечаеву. Благословение Алексеевцев. 1916 год.

Точно такая же иконка была у умершего в Париже бывшего юнкера, помощника курсового офицера прапорщика Константина Алексеевича Рексина с датой июнь 1916 года.

Обе эти иконки сохраняются в исправности: одна — в нашем зарубежном архиве, а другая у сестры Рексина, погребенного в 1960 году на русском военном кладбище в Saint-Hilaire-le-Grand около Mourmelon.

24. ЗАРУБЕЖНЫЙ АРХИВ АЛЕКСЕЕВЦЕВ (МОСКОВЦЕВ).

Неизвестно, сохранилось ли что-либо в России о нашем училище или нет? Конечно, в душе немногих оставшихся в живых в России Алексеевцев живет любовь и уважение к своему разоренному «гнезду», но из официальных материалов вряд ли что-либо сохранилось. Поэтому нам, находящимся за рубежом, выпала тяжелая задача увековечить память родного училища, несмотря на все материальные и моральные препятствия. Все мы уже немолодые с «серебряными» волосами и без них, но незримый дух, который внедрили в нас офицеры училища, не угас. 34 Алексеевца приняли участие в составлении сведений об училище. Составляются списки Георгиевских кавалеров, погибших и умерших в России и за рубежом. Всем юнкерам, приславшим сведения, фотографии юнкеров в разной форме, план 2-ой роты, сердечное спасибо!

В 1957 году была образована инициативная группа бывших юнкеров Алексеевцев (Московцев), а затем она превратилась в «Центр связи», который не имеет председателя. Не была образована и «государственная казна» для издания этой «памятки».

Еще раз, всем юнкерам — спасибо за доверие и уважение! С большой благодарностью будут приняты советы и пожелания.

Сердечное спасибо «Часовому», «Военной Были», «Вестнику» и «Русской Мысли», на страницах которых было напечатано то или другое наше обращение!

«Центр Связи Алексеевцев (Московцев)».

Адрес:
Mr. Netchaeff, 6, rue Kléber, Wasquehal (Nord)
France.

Жетон Московского военного училища.

Юбилейный знак Алексеевского военного училища.

**СПИСОК АЛЕКСЕЕВЦЕВ,
ДАВШИХ СВЕДЕНИЯ
О СЛАВНОМ ПРОШЛОМ РОДНОГО
УЧИЛИЩА И О СЕБЕ.**

- 1 — Подполковник Павлов, Василий Ефимович, старший портупей-юнкер 2-ой роты выпуска 1-Х-14 г. Первое письмо 7-VI-57.
- 2 — Поручик Пеньков, Гавриил Васильевич, юнкер 3-ей роты, выпуска 15 июня 1908 года. Первое письмо 18-7-57.
- 3 — Капитан Литвинов, Леонид Авраамович, юнкер 4-ой роты, выпуска 1910 г. Первое письмо 9-9-57. (Умер в Германии летом 1958 г.).
- 4 — Подполковник Рексин, Константин Алексеевич, фельдфебель 4-ой роты, выпуска 1-9-1915 г. и помощник курсового офицера 8-ой роты. Первое письмо 31-8-57. (Умер в мае 1960 г.).
- 5 — Ротмистр Поплавский, Александр Степанович, юнкер 2-ой роты, выпуска 1909 г. Первое письмо 19-2-58 из Югославии (Умер в 1963 г. в Югославии).
- 6 — Капитан Мельников, Николай Андреевич, юнкер 2-ой роты, выпуска 12-7-1914 г. Первое письмо 14-4-58.
- 7 — Полковник Рожен, Василий Петрович, юнкер 4-ой роты, выпуска 22-4-1905 г. Первое письмо 11-8-58. Умер во Франции 8-11-1960 г.
- 8 — Подполковник Чечулин, Александр Всеволодович, юнкер 3-ей роты, выпуска 15-6-1908 г. Первое письмо 11-8-58.
- 9 — Полковник Генерального Штаба Вишневский, Петр Васильевич, юнкер выпуска 1906 г. Первое письмо 18-8-1958 года.
- 10 — Капитан Федуленко, Валентин Васильевич, юнкер роты Его Высочества, выпуска 1-12-14 г. Первое письмо 10-11-58.
- 11 — Корнет Смыков, Василий Клементьевич, юнкер 5-ой роты, выпуска 1-12-1916 г. Первое письмо 23-9-58.
- 12 — Поручик Одинокоев, Николай, юнкер 4-ой роты, выпуска 1911 г. Первое и единственное письмо 9-8-60 г.
- 13 — Штабе - капитан Печковский, Николай Иванович, юнкер 5-ой роты, выпуска 1-12-1916 г. Первое письмо 12-12-60. (Умер в 1963 г.).
- 14 — Генерал - лейтенант Твердый, Леонид Доримедонтович, юнкер 3-ей роты, выпуска 1895 г. Первое письмо 2-11-62.
- 15 — Капитан Кржижановский, Михаил Николаевич, младший портупей-юнкер 2-ой роты, выпуска 1910 г. Первое письмо 7-11-62.

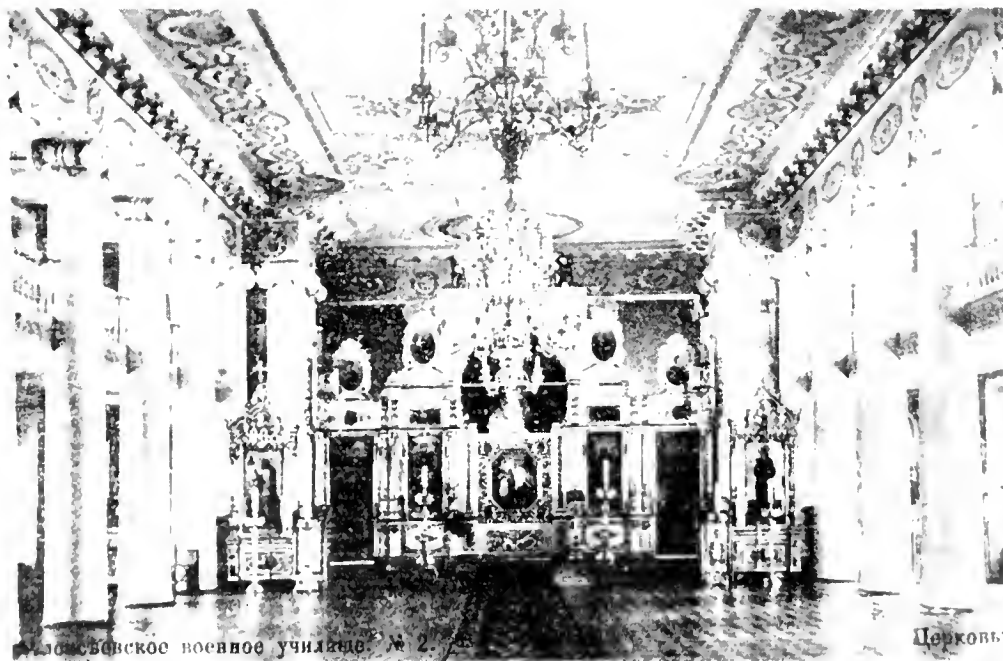
- 16 — Подполковник Демонте-Рико, Эспер Николаевич, юнкер 4-ой роты, выпуска 1911 г. Первое письмо 15-11-62.
- 17 — Полковник Генерального Штаба Жуков, Сергей Александрович, младший портупей-юнкер роты Его Высочества, выпуска 1908 г. Первое письмо 25-1-63.
- 18 — Полковник Генерального Штаба Мельчаков, Петр Петрович, старший портупей-юнкер 3-ей роты, вып. 1908 г. Первое письмо 19-12-62.
- 19 — Поручик Верблюдов, Анатолий Алексеевич, младший портупей-юнкер 2-ой роты, вып. 1-10-1915 г. Первое письмо 8-4-63 г.
- 20 — Поручик Пашков, Павел Васильевич, юнкер 2-ой роты, вып. 1-10-1915 г. Первые записки мною переписаны в 1950 году (Капитан Нечаев) с разрешения полковника Приходкина.
- 21 — Капитан Нечаев, Павел Александрович, младший портупей-юнкер и помощник курсового офицера 5-ой роты, вып. 1-9-1915 г. Первые записки сделаны в 1942 году.
- 22 — Поручик Манойлов, Георгий Исидорович, юнкер 3-ей роты, выпуска 1-9-1915 года. Первое письмо 2-12-1963 г.
- 23 — Поручик Новосельский, Владимир Алексеевич, вып. 1-10-1915 г.
- 24 — Штабс-капитан Нечаев, Василий Александрович, вып. 1-11-1916 г. Сконч. 1-го июля 1964 г.
- 25 — Подпоручик Лепешкин, Алексей Сергеевич, вып. 1-11-1916 г.
- 26 — Полковник Воскресенский, Виктор Павлович, вып. 1910 г.
- 27 — Капитан Терехин, Андрей Дмитриевич, вып. 1-11-1915 г.
- 28 — Петров, Анатолий Петрович.
- 29 — Цветков, Яков Иванович.
- 30 — Сизых, Георгий Алексеевич.
- 31 — Барский, Константин Павлович.
- 32 — Поручик Коновальчиков, Александр.
- 33 — Капитан Гембицкий, Зиновий Константинович, вып. 1908 г. Первое письмо 21-7-1964 г.
- 34 — Полковник Юргенс, Алексей Эдуардович, вып. 1906 г., умер в г. Сен-Рафаэль. Его Высочества, умер в Париже.
- 3 — Полковник Акоев, начальник хозяйственной части, умер в Париже.
- 4 — Подполковник Рексин, Константин Алексеевич, помощник курсового офицера, умер в Париже.
- 5 — Капитан Литвинов, Леонид Авраамович, умер в Германии.
- 6 — Полковник Рожен, Василий Петрович, умер в г. Грасс, Франция.
- 7 — Генерал-лейтенант Кальницкий, умер в Исси-ле-Мулино, Франция.
- 8 — Подполковник Игнатов, умер в Париже.
- 9 — Капитан Власов, Александр Васильевич, умер в Панчево, Югославия.
- 10 — Полковник Юргенс, Эдуард, умер в Тунисе.
- 11 — Генерал-майор Литвинов, увезен из Югославии в Советскую Россию.
- 12 — Штабс-капитан Князев, умер в Сан-Франциско.
- 13 — Штабс-капитан Корженевский, адъютант училища, убит осенью 1916 г. в Македонии, на Салоникском фронте, в составе 4-го пехотного Особого полка.
- 14 — Штабс-капитан Глухов, Иван Филиппович, убит в 1916 г. на Германском фронте, в рядах 321-го Окского полка.
- 15 — Штабс-капитан Смирнский, умер в Югославии.
- 16 — Капитан Владимирцов, Александр Иванович, умер в Болгарии. (Жену и сына вывезли в Советскую Россию).
- 17 — Капитан Остроумов, был в Югославии, без известий.
- 18 — Полковник Салатко-Петрицев, преподаватель законовения, умер в Югославии.
- 19 — Капитан Белопольский, Николай Александрович, умер в Новом Саду, Югославия.
- 20 — Вертепов, Владимир, 1908, умер в Америке (чин не указан).
- 21 — Рупперт, Евгений, 1908, умер в Германии (чин не указан).
- 22 — Штабс-капитан Федоров, Георгий, умер от газов в 1916 г. на Германском фронте.
- 23 — Подполковник Мельников, Иван Андреевич, выпуска 1912 г., умер в Тунисе.
- 24 — Полковник Кочкин, Борис Петрович, умер в Германии, в Ольденбурге и еще много других...
- 25 — Полковник Савельев, вып. 1908 г., умер в Мюнхене в 1944 г.
- 26 — Полк. Васильев, вып. 1892 г., умер в Аргентине в 1964 г.
- 27 — Поручик Новосельский, вып. 1-12-1914 г.

**СПИСОК АЛЕКСЕЕВЦЕВ УБИТЫХ
И УМЕРШИХ В ВОЙНУ 1914-1920 Г.Г.
И ЗА-ГРАНИЦЕЙ.**

- 1 — Полковник Кохановский, Владимир, командир батальона, умер в Париже.
- 2 — Капитан Фриде, Борис, командир роты

Погон Алексеевского Военного Училища.

Алексеевское военное училище № 2.

Церковь.

Училищная церковь.

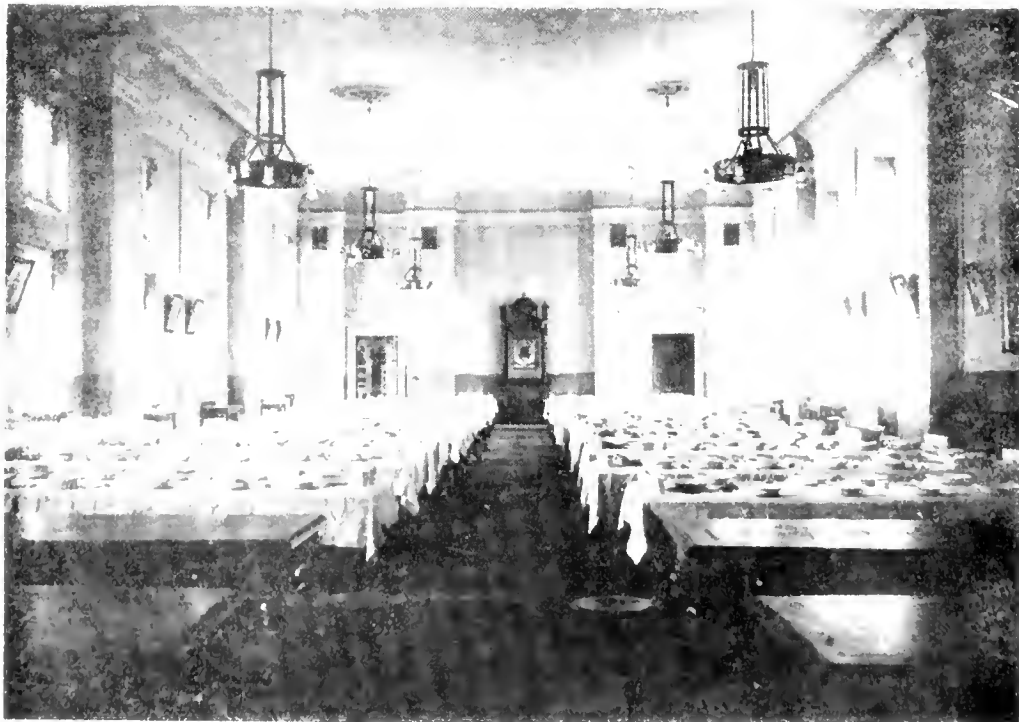
2-я рота под командой кап. Селихова.

2-я рота под командой кап. Синькова. 1913 г.

Рота Егг Высочества с полк. Сыртлановым Август 1915 г.

Училищная столовая.

Юнкер Гончаров 1906 г.

Юнкер И. А. Мельников 1910 г.

Юнкер Рожен вып. 1905 г.

Мл. порт.-юнкер Петровский вып. 1906 г.

Фельдфебель выпуска 1906 г.

Юнкер в парадной отпускной форме 1910 г.
Н. А. Мельников.

Юнкер А. С. Поцлавский 1908 г.

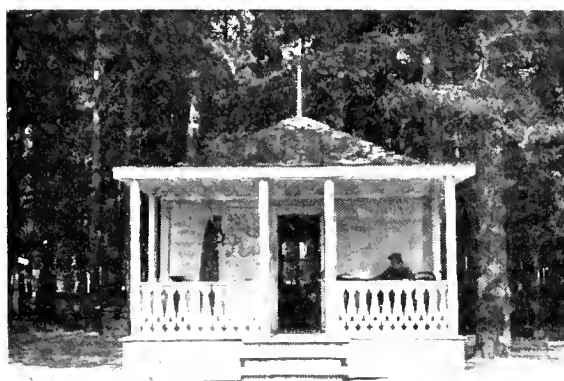
Подпоручики И. А. и Н. А. Мельниковы.
1914 год.

Капитан Михаил Павлович Селихов.

Ст. порт.-юнкер И. А. Мельников 1912 г.

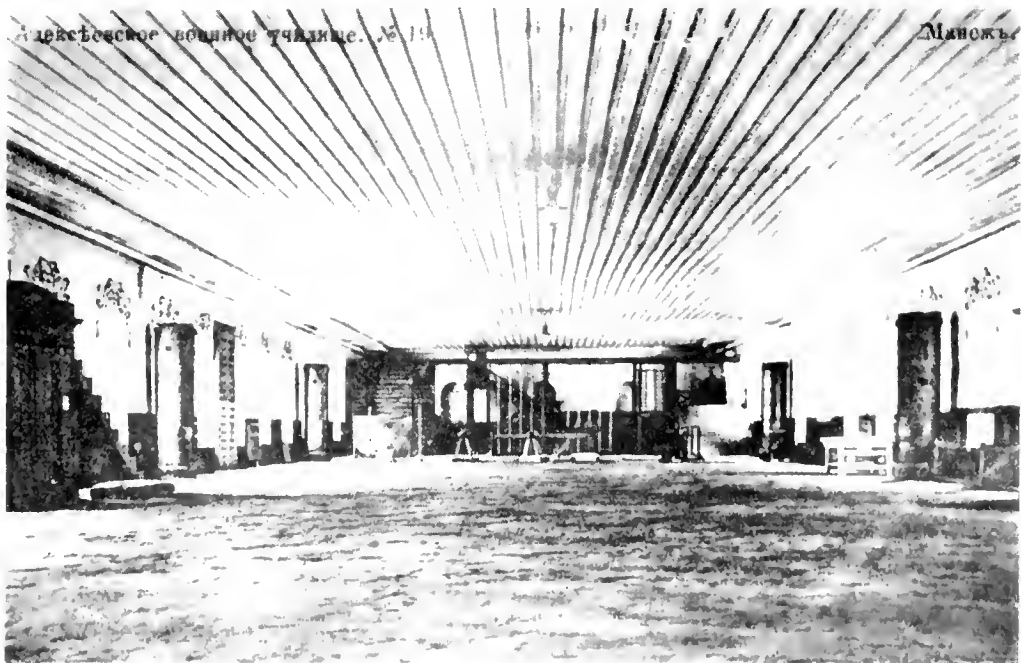
Дежурная комната в лагере.

Летняя столовая.

Офицеры 5-й роты 1915 г.

Манеж училища.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

U604
.M645
L1
1964

Склад издания: «Le Passé Militaire»
61, rue Chardon-Lagache - PARIS (16ème).